

Школа в Пасковой Воле

Френсин Паскаль

Любовная горячка
Одинокая
в толпе

Фрэнсин Паскаль
Любовная горячка
Серия «Школа в Ласковой
Долине», книга 27

OCR Roland; SpellCheck Аваричка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159065

Любовная горячка; Одинокая в толпе: Вагриус; Москва; 2004

ISBN 5-264-00597-4

Аннотация

Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации.

У Кена Мэтьюза – капитана школьной футбольной команды – совсем не хватает времени на учебу. Из-за этого снизилась успеваемость. Элизабет, как всегда, приходит на помощь.

Содержание

1	4
2	18
3	27
4	36
5	52
6	56
7	63
8	71
9	78
10	83
11	92
12	100
13	105
14	115
15	127

Фрэнсин Паскаль

Любовная горячка

1

Элизабет Уэйкфилд сидела у бассейна около своего дома в солнечном веселом городке Ласковая Долина в Калифорнии и безуспешно пыталась не слушать свою сестру-близнеца. Джессика говорила о школьном пикнике в честь столетия города. День праздника приближался, и, хотя Брюс Пэтмен, председатель Школьного комитета празднования столетия Ласковой Долины, назначил Джессику распорядительницей пикника уже больше двух недель назад, ни о чем другом она говорить не могла. Нельзя сказать, что Элизабет не интересовало столетие Ласковой Долины. Конечно, интересовало, как и всех. Готовилось великолепное действо – с парадом, фейерверками и прочими представлениями, показательным футбольным матчем и пикником. Почти все жители Ласковой Долины так или иначе участвовали в подготовке праздника. Но Джессика, похоже, вообразила, что важнее пикника нет ничего на свете.

Было только четыре часа, но Элизабет чувствовала себя совершенно измотанной. Как будто она месяц не спала. Неделю назад Элизабет, ее сестра и их друзья, Брюс Пэт-

мен и Николас Морроу, спасли семью Николаса из рук похитителей. Филипп Дэнсон, бывший служащий компьютерной фирмы мистера Морроу, а теперь вконец свихнувшийся тип, держал мистера и миссис Морроу заложниками в своем доме, а тем временем его подружка Клара сторожила сестру Николаса, Регину, в имении Морроу. День за днем проходили в ожидании, близнецы Уэйкфилд, Брюс и Николас искали возможность спасти Морроу. В конце концов четверо друзей придумали смелый план, одолели бандитов и освободили Регину и ее родителей.

Элизабет переволновалась и всю прошедшую неделю отдыхала. Сегодня она намеревалась провести несколько спокойных часов у бассейна. Но только она растянулась в шезлонге, из дому вышла Джессика. Элизабет попыталась избавиться от необходимости отвечать сестричке, обмотав купальное полотенце вокруг головы и заткнув таким образом уши, но это не сработало. Тогда Элизабет нырнула в бассейн и почти минуту просидела под водой в надежде, что Джессика уйдет. Не помогло: Джессика понесло. Элизабет сдалась. Она выбралась из бассейна и уселась на краю, свесив ноги в воду.

– Мы подумываем о найме оркестра, – продолжала Джессика. – Прибыль тогда будет меньше, но ведь живая музыка куда лучше магнитофонов, правда? Конечно, я предпочла бы «Друидов», но в эти выходные они могут быть заняты.

Элизабет посмотрела на сестру. И увидела свое зеркаль-

ное отражение. У обеих были светлые, выгоревшие на солнце волосы, одинаковые зеленовато-голубые глаза и маленькие ямочки на левой щеке. Внешне близнецы были совершенно одинаковы, вплоть до кулончиков на золотых цепочках, – подарок родителей на шестнадцатилетие. Но на этом сходство заканчивалось.

Элизабет всегда была благоразумна, мила и доброжелательна. Она хорошо училась, любила читать и пробовала писать сама. Можно было с уверенностью сказать: Элизабет всегда поступает как следует. Джессика – напротив. Временами казалось, она думает только о собственной персоне и об удовольствиях. Она любила приключения, красивых парней, и экстравагантную одежду. Из-за постоянных поисков приключений Джессика часто попадала в беду, и бесчисленное число раз сестра приходила ей на помощь. Джессика всецело полагалась на нее – Элизабет всегда сумеет выручить. Преданность Элизабет была непоколебима. Неважно, сколько неприятностей приносила ей Джессика, все равно она могла рассчитывать на верность Элизабет.

Сейчас Джессика восседала на стуле во дворике около бассейна и разглагольствовала:

– Конечно, я понимаю, главное – собрать деньги в Общественный фонд, но какой от этого толк, если не удастся хорошенько повеселиться?

Элизабет тяжело вздохнула: еще одно слово о пикнике – и терпение ее лопнет. С того дня как ей поручили распо-

ряться пикником, Джессика ухитрилась довести до точки кипения всю семью. Она без конца или заставляла всех что-то делать, или забрасывала сотнями идей, якобы прося совета.

«Если бы Джессика слушалась бы чьих-либо советов», – думала Элизабет.

– Однако, – попробовала она образумить сестру, – хватит ли у тебя денег на оркестр?

– Думаю, да, – неуверенно отозвалась Джессика. – Но я терпеть не могу возиться с расчетами. Вот, кстати, преимущество магнитофонов. Их я могла бы одолжить бесплатно.

Элизабет вытащила ноги из воды, встала:

– Ну, может, «Друиды» согласятся поиграть даром?

Элизабет хорошо знала Дану Ларсон, солистку «Друидов», и барабанщицу Эмили Майер. Она не сомневалась, группа сделает все возможное, чтобы помочь друзьям.

– Великолепно. Сейчас расскажу Лиле, – заулыбалась Джессика.

– Джес, – предостерегла ее Элизабет, укладываясь в шезлонге, – не рассчитывай на «Друидов», пока мы не переговорим с ними. У них в этот день может быть оплачиваемая работа. Усекла?

Джессика играла прядью светлых волос:

– Не глупи, Лиз. Все, кто хоть что-то собой представляет, будут на пикнике. Или за деньги, или...

Джессика улыбнулась одной из тех чересчур лучезарных

улыбок, которыми она пользовалась, когда ей что-то было нужно от сестры.

– Ну ладно, Джес, – простонала Элизабет, – выкладывай, что ты хочешь от меня?

Джессика присела на краешек шезлонга Элизабет:

– Ты мне очень поможешь, Лиз, если согласишься посидеть в «поцелуйной» кабинке. В самом деле, лучшей кандидатуры не найти. Ну какой парень в Ласковой Долине откажется заплатить доллар за поцелуй сестры-двойняшки Джессики Уэйкфилд?

– Ой, Джес, от скромности ты не умрешь, – хихикнула Элизабет. – Но, вообще-то, работа не тяжелая. Ладно, согласна.

– Чудесно! – Джессика вскочила. – А текст для афиш делаешь? Ты такие вещи лучше умеешь, – пропела она самым что ни на есть льстивым голоском. – Кстати, что ты думаешь об украшениях? Я просто мозги себе сломала: там ведь ничего нет, кроме веток деревьев, а из них ничего не смастеришь, это тебе не резина.

– Подожди-ка. – Элизабет приподнялась. – А чем займешься ты сама?

– Я руковожу, – надменно возразила Джессика. – Представительство – это половина дела. Папочка всегда так говорит.

– В самом деле? И какие полномочия ты возлагаешь сама на себя?

Джессика запустила пальцы в волосы:

– Лиз, я не могу все взвалить на себя.

Элизабет уставилась на сестру:

– Я, дорогая сестричка, просто пытаюсь выяснить: я делаю афиши, сижу в кабинке для поцелуев и придумываю украшения – что же остается тебе и Лиле?

– Ну, – сердито сказала Джессика, – кое-что может взять на себя Лила. Она как-никак моя помощница.

При мысли, что Лила Фаулер – помощница Джессики, Элизабет улыбнулась. Лила была одной из самых богатых девушек Ласковой Долины, столь же красивой и популярной, как Джессика. Они, хоть и считались лучшими подругами, частенько были готовы вцепиться друг другу в горло.

– А Лила знает, что она твоя помощница? – спросила Элизабет.

– Ну, я выразилась не совсем так, когда говорила с ней, – невинно ответила Джессика.

– Еще бы. – Элизабет знала, что Лила весьма высокого о себе мнения и никогда бы не согласилась называться чьим-либо помощником. Элизабет не сомневалась – Джессика нашла для подруги куда более пышный титул.

Джессика вдруг посерьезнела.

– Боюсь, ты не понимаешь всей важности момента, Лиз, – сказала она. – Ведь столетие бывает раз в сто лет. Сто лет, Лиз! И меня назначили распорядительницей главного благотворительного мероприятия. Это – большая ответственность. Люди будут вспоминать этот праздник много лет.

– Собрать деньги для Общественного фонда, конечно, здорово, Джес, но на Нобелевскую премию ты все-таки не надейся.

– Я не о награде забочусь. – В голосе Джессики зазвучала обида. – Мне достаточно сознания того, что я собираю деньги на благое дело.

«Пари держу, тут не все чисто», – подумала Элизабет.

Ужасно так думать о своей двойняшке, но Элизабет знала, что альтруизмом Джессика не страдает. Но по каким бы причинам она ни старалась, организовывая пикник, спорить не приходилось – дело это полезное.

Элизабет улыбнулась:

– Джес, я буду счастлива помочь тебе.

– Элизабет Уэйкфилд, ты самая лучшая на свете девчонка и самая лучшая сестра!

– Но, – добавила Элизабет, – украшениями я заниматься не могу. Это большая работа, а мне еще делать специальный выпуск «Оракула».

«Оракул» – газета школы Ласковой Долины. Элизабет вела в ней рубрику «Глаза и уши», а также писала статьи на разные темы.

Улыбка на лице Джессики увяла. Она задумалась.

– Ничего страшного. Пусть об этом позаботится Лила. Но на тебе текст к афишам и «поцелуйная» кабинка. Договорились?

– Ладно. – Элизабет обернулась на скрип двери.

Во дворик вышла миссис Уэйкфилд. Поверх белого купальника она накинула синий махровый халат.

Увидев мать, Элизабет улыбнулась. Элис Уэйкфилд, загорелую, с девичьей фигурой и светлыми волосами, иногда принимали за старшую сестру близнецов.

«Сегодня мама кажется особенно красивой, – отметила Элизабет. – Наверное, потому, что ей представилась возможность расслабиться».

Миссис Уэйкфилд была дизайнером по интерьерам и в последнее время работала в необычайно напряженном графике.

– Ну, как вы, «пара кошмариков»? – Она рассмеялась, глядя на близнецов.

– О, мама, – застонала Джессика, – честное слово, я терпеть не могу подобные выражения.

Элизабет глянула на нее и, смеясь, уточнила:

– Вернее, кошмарик и его тихоня-сестренка.

Миссис Уэйкфилд бросила полотенце на один из шезлонгов и повернулась к дочерям:

– И что же нынче на повестке дня? Отважные героини вновь готовы прийти на выручку несчастным пленникам? Предотвратить убийство? Или затевается что-нибудь простенькое, например, планируется захват небольшого государства?

Элизабет опять уселась на шезлонг и закрыла глаза.

– На некоторое время я сыта приключениями.

– Я тоже, – согласилась Джессика. – Кроме того, я по горло

занята пикником, больше ни на что сил не остается.

Элис начала выполнять обычную перед купанием гимнастику.

– Что ж, хорошо. Как подвигаются приготовления?

– Великолепно, – заявила Джессика, – но столько еще предстоит сделать.

– Ну, как говорится, без труда и рыбку из пруда не вытянешь, – ободряюще сказала миссис Уэйкфилд.

– Но мне повезло, – прибавила Джессика, – у меня замечательная сестра, она во всем мне помогает. – Джессика улыбнулась Элизабет. – Если все пойдет по плану, пикник станет главным событием праздника.

– Это нам не помешает. Ласковая Долина может проиграть футбольный матч, – задумчиво сказала Элизабет.

– Откуда такие мрачные мысли? – спросила Элис.

Элизабет вздохнула:

– Похоже, победа зависит от того, будет ли играть Кен Мэтьюз. Без него у нас нет шансов. А он, видимо, не будет участвовать.

Элис перестала делать гимнастику и присела на шезлонг Элизабет.

– В самом деле? Почему?

– Ну... – начала Элизабет.

Но Джессика, всегда страстная охотница до сплетен, возбужденно перебила ее:

– У Кена «хвост» по английскому. По английскому! Кто

бы мог подумать! А с «хвостом» ему не разрешат участвовать в матче.

– Понимаю, – задумчиво протянула миссис Уэйкфилд.

– Проиграем – весь день будет испорчен, – причитала Джессика. – И тогда пойдут насмарку все мои приготовления к пикнику.

– Еще не все потеряно, – сказала Элизабет. – Кен до игры может успеть выполнить одно задание – на среду задано написать рассказ. Если он получит хорошую отметку, то сможет играть.

– Думается, Кен попал в очень непростое положение. И вдобавок вся школа в курсе...

– Вовсе не вся. Мы с Джессикой вывели это у Брюса Пэтмена. Не думаю, что многие знают. И, полагаю, для Кена лучше, чтобы так и оставалось. – Элизабет предостерегающе взглянула на сестру.

Несколько минут все трое молчали.

– Знаешь, – наконец сказала Элизабет, – мне пришло в голову, что неплохо было бы позвонить Кену и предложить помощь. Как ты полагаешь, Джес?

– И как это он до сих пор не нашел помощницу? Я имею в виду Сюзанну Хэнлон, – саркастически заметила Джессика, не скрывая неприязни к Сюзанне.

Ко всеобщему изумлению, Сюзанна и Кен недавно начали встречаться. Даже Элизабет соглашалась, что они странная пара. Сюзанна, девушка из очень богатой семьи, никогда не

упускала случая продемонстрировать свою образованность и рафинированность. Как раз на прошлой неделе они с Элизабет созванивались по поводу школьного литературного вечера, который организовывала Сюзанна. И, с другой стороны, Кен – капитан футбольной команды Ласковой Долины, чье место скорее на футбольном поле, а не в концертном зале. Но Элизабет не разделяла неприязни Джессики к Сюзанне. В общем-то, она плохо знала ее. Однако не могла не признать, что за несколько их встреч на собраниях «Пи Бета Альфа» Сюзанна произвела на нее впечатление надменной задаваки. «Пи Бета Альфа» был клубом для избранных, обе сестры входили в него, но Элизабет вступила только за компанию с Джессикой и числилась там номинально. Наверное, члены клуба и ее считают воображалой. Если Кену нравится Сюзанна – дело личное, Элизабет надеялась, что Сюзанна тоже искренне увлеклась им.

– Кен, может, не решается сказать Сюзанне о своих оценках, – вслух размышляла Элизабет, – в конце концов, хвататься тут нечем.

– Особенно перед штучкой вроде Сюзанны Хэнлон, – иронично подтвердила Джессика.

Элизабет поднялась.

– Знаешь, я все-таки позвоню Кену. – Она посмотрела на часы – половина пятого. – Он, наверное, еще в школе. Застану его в раздевалке после тренировки.

– Хорошая мысль, – подхватила миссис Уэйкфилд. – По

крайней мере, ему будет приятно, что о нем заботятся.

Элизабет проскользнула в дом, прошла на кухню, налила себе чаю со льдом, уселась рядом с телефоном и набрала номер школы. Через несколько минут ее соединили с раздевалкой. Она попросила к телефону Кена.

– Алло, – раздался на другом конце провода немного задыхающийся голос.

– Привет, Кен. Это Лиз Уэйкфилд.

– О, привет, Лиз. – Кен, казалось, был немного удивлен.

Элизабет взяла карандаш и принялась машинально чертить в лежавшем у телефона блокноте.

– Надеюсь, я не помешала.

– Нет, – ответил Кен. – Тренировка как раз кончилась.

– Хорошо. Кен, не знаю, как поделикатней выразиться, и поэтому скажу прямо. Я слышала, у тебя проблемы с английским.

– А ты откуда знаешь? – раздраженно спросил Кен.

– Неважно. – Элизабет не хотелось ссорить Брюса с Кеном. – Я звоню, потому что подумала – я могла бы помочь. Я в курсе происходящего и знаю о письменном задании. Я рада буду помочь тебе.

Кен молчал, и Элизабет показалось, что идея ее вовсе не так уж хороша.

– Честно говоря, – наконец заговорил Кен, – помощь мне пригодилась бы. Не знаю почему, но меня прямо застопорило. Может, если мы потолкуем, дело сдвинется с мертвой

точки.

– Конечно, – с облегчением вздохнула Элизабет. – Можешь заехать сегодня вечером?

– Подходит. Только дай мне полчаса – принять душ и переодеться.

– Без проблем. Я буду дома.

– Чудесно. Значит, увидимся. – Голос Кена звучал куда жизнерадостнее, чем минуту назад.

Элизабет попрощалась и повесила трубку. Продолжая думать о Кене, она взяла стакан и вышла из кухни. Элизабет знакомо было состояние, когда кажется, что не можешь выдать из себя ни строчки. Она писала уже много лет, но все равно – иногда бывало трудно именно начать. Может, если она покажет Кену что-то из своих вещей и поговорит с ним, ему будет легче начать.

Элизабет вышла во дворик, захлопнув за собой стеклянную дверь. Ее мать плавала в бассейне, а Джессика сидела на трамплине для прыжков в воду и листала «Вог».

– Позвонила? – осведомилась она, не отрываясь от журнала.

– Да. – Элизабет заняла свое место в шезлонге. – Он будет здесь примерно через полчаса.

– Быстро. – Джессика лукаво взглянула на сестру.

– Клянусь, Джес, – устало сказала Элизабет, – мы просто поговорим о его проблемах с английским. – Она знала, о чем думает Джессика.

Той ужасно хотелось, чтоб Элизабет отбила Кена у Сю-
занны.

– Ради бога, можешь посидеть с нами, послушать.

Джессика наморщила носик.

– Слушать лекцию по английскому? Нет уж, спасибочки. –

Она захлопнула журнал и встала. – Пойду позвоню. Позови,
если будет что интересное, – бросила она через плечо.

Элизабет посмотрела вслед сестре, вздохнула и закрыла
глаза. Слава богу, Джессика ушла. Полчаса в тишине и по-
кое. Честное слово, ей это необходимо.

2

Кен Мэтьюз зашнуровал кроссовки и убрал футбольный шлем в шкафчик, потом пригладил светлые волосы и глубоко вздохнул. Тренировка выдалась тяжелой.

Подготовка к игре с «Пумами» из Пэлисэйдз всегда требовала больших усилий. Эта команда и раньше была одной из сильнейших в штате, а теперь стала еще лучше благодаря ведущему игроку Питеру Страусу. Страус был учеником выпускного класса, и несколько колледжей уже пробовали завербовать его. Поэтому Кен сознавал, как важно показать себя в этом матче с самой лучшей стороны. Но, если не удастся исправить отметку по английскому, ему, похоже, вообще не придется играть.

Кен понимал, что его затруднения влияют и на остальных игроков команды. Они старались не подавать виду, но многие знали о проблемах Кена с английским и были расстроены тем, что он, возможно, не сможет участвовать в матче. Он читал это в их глазах. Они не обвиняли Кена, они просто готовились к худшему.

Кен чувствовал себя так, словно прожил с этим грузом на душе всю жизнь, а ведь со времени встречи с мистером Коллинзом, преподавателем английского, прошло не больше двух недель. Тренер Шульц перехватил Кена после тренировки по дороге в душ и попросил зайти к нему в кабинет.

Тренер, обычно дружелюбный и разговорчивый, был молчалив и даже слегка рассержен.

Войдя вслед за тренером в кабинет и увидев Роджера Коллинза, Кен понял, что надо ждать неприятностей. Он знал, что запустил учебу, но не думал, что дела настолько плохи.

В кабинете присутствовал и Брюс Пэтмен. Кен удивился было, но вспомнил, что Брюс председатель Школьного комитета по подготовке к столетию Ласковой Долины. Кену стало ясно, зачем они хотели видеть его.

Мистер Коллинз обрисовал ситуацию. Перед ним лежал лист с отметками Кена на протяжении семестра, и он решительно заявил о его невнимательности на уроках. Начало не предвещало ничего хорошего.

– Ты не дурак, Кен, – заявил мистер Коллинз с грубоватой прямоотой, которая сделала его любимцем всех школьников в Ласковой Долине. – В этом-то и дело. Но ты не работаешь в полную силу. Я знаю, футбол очень важен для тебя, но все-таки основная твоя задача в школе – учиться. Мы никак не можем закрыть глаза на плохие отметки и позволить тебе продолжать играть в футбол.

Потом громко и отчетливо заговорил тренер Шульц. Кажалось, он старается не выдать своего огорчения.

– Послушайте, – спокойно начал он, – это не просто какой-то матч местного значения, это – показательная игра в день столетия города. Если мы проиграем ее, весь праздник будет испорчен. Без Кена нам не победить.

– Всего один матч, мистер Коллинз, – подхватил Брюс, – не могли бы вы подождать несколько недель? А потом, я уверен, Кен возьмется за учебу, позанимается дополнительно. Правда, Кен?

– Не сомневайтесь, мистер Коллинз, – серьезно сказал Кен. – Я на все готов, только бы играть этот матч. Я вовсе не хотел запускать английский...

– Знаю, Кен, – перебил его учитель. – Однако запустил. Правила одинаковы для всех, я не могу делать исключения, иначе получится, что я даю поблажки любимчикам. Этого я допустить не могу.

Кен помнил, каким озабоченным стало лицо Шульца. Он знал, о чем подумал тренер. У Ласковой Долины неплохая команда, но без Кена у них нет шансов побить сборную школы из Пэлисэйдз теперь, когда за них играет Питер Страус. Увидев разочарование тренера, Кен почувствовал, что сердце его разрывается. Суть не в проигранном матче, не в «хвосте» по английскому. Он подведет команду, то есть совершит такое, что всегда считал для себя невозможным.

Мистер Коллинз улыбнулся:

– Положение не безнадежное. Я дам тебе задание. Твой шанс – рассказ, который задан на среду. Если справишься и сдашь хорошую работу – поставлю тебе проходной балл. Если нет – выхода не останется, придется вывести тебя из команды до тех пор, пока не исправишь отметки.

Увесистый шлепок по спине заставил Кена очнуться от

грез наяву.

– Смотрите отлично. – Кен обернулся и увидел Джона Пфайфера, редактора спортивного раздела «Оракула». – Вы из «Пум» котлету сделаете.

– Еще бы. – Кен старался говорить как можно увереннее.

– Предвкушаю, как распишу вашу победу в газете. Ты у меня предстанешь настоящим Геркулесом, Геркулесом в квадрате.

«Размечтался... – подумал Кен. – А вот как тебе понравится Геркулес в роли зрителя?!»

Джон рассмеялся и отошел. Покидая зал, Кен уже твердо знал – без помощи ему не обойтись, не скинуть с себя этот груз. Сочинения всегда давались ему с трудом. Почему-то ему нелегко было перенести пришедшую в голову идею на бумагу и развить ее, у него словно ступор срабатывал. Забавно: Кен не испугался бы целой команды девяностокилограммовых верзил, а от вида чистого листочка бумаги его кидало в дрожь. Вот почему его так взволновал звонок Элизабет и предложенная ею помощь. Всем было известно, как хорошо пишет Элизабет. Только она, и никто другой, могла вывести его из тупика.

Кен вышел из школы, спустился по лестнице. Надежда переполняла его. С помощью Элизабет он, без сомнения, исправит отметки.

И вдруг чей-то голос прервал его размышления:

– Салют, красавчик!

Кену не требовалось оглядываться, чтобы понять, что это Сюзанна. Она стояла сзади него и выглядела потрясно в короткой юбочке и свободном пуловере, обрисовывавшем тоненькую, гибкую фигурку. Она улыбалась ему. Карие глаза проникали прямо в душу. Кен затрепетал. Неважно, сколько раз он видел Сюзанну, она не переставала волновать его.

Сюзанна взяла Кена под руку:

– Ты спешишь? Папа заедет за мной через несколько минут. Подождешь?

– Конечно, – улыбнулся в ответ Кен.

Его всегда поражала ее манера держаться. Многих ребят в Ласковой Долине она раздражала, ее считали задавакой. Для Кена это не являлось секретом, но он знал и другое: как хорошо им вместе. При виде Сюзанны все тревоги улетучились у него из головы, он и думать забыл про английский. Когда он был с Сюзанной, все остальное не имело значения.

– Как твоя контрольная по французскому? – спросил он.

– Пустяки, – отмахнулась Сюзанна. – Труднее всего диктант. Мне нелегко разобрать произношение мисс Дальтон. У нее северофранцузский акцент, он похож на утиное кряканье.

Кен смеялся вместе с Сюзанной, хотя понятия не имел, о чем она говорит. Все диалекты французского звучали для него абсолютно одинаково. Но, если Сюзанна видит разницу, значит, разница есть.

– Я надеялась, что тренировка скоро кончится, – сказала

Сюзанна.

Кен знал, что она не особо увлекается футболом. Сюзанна и в этом отличалась от большинства его знакомых и едва ли посмотрела за всю жизнь два-три матча.

– Приглашать, конечно, положено заранее, – продолжала она, – но я буду очень рада, если ты придешь к нам на ужин сегодня вечером. Народу будет не очень много – родители и брат, но я подумала – может, тебе стоит прийти. Ты ведь по-настоящему не знаком с ними.

– Ну да, – кивнул Кен, немного нахмурившись: он вспомнил про задание.

Он должен сидеть дома и работать. Но мысль эта исчезла так же быстро, как и появилась. У него останется масса времени корпеть над сочинением. Кен не сомневался: с помощью Элизабет Уэйкфилд он справится. И потом, хотя Сюзанна ничего такого не сказала, Кен чувствовал – ей важно познакомить его с родителями.

– Собраться поздно вечером не получится, – добавила Сюзанна. – У меня еще многое не готово к литературному вечеру. Кстати, Элизабет Уэйкфилд обещала прочесть свое стихотворение. Правда, здорово?

– Здорово, – согласился Кен.

Он чувствовал себя немного виноватым, потому что не сказал Сюзанне о предложении Элизабет, но был уверен: Сюзанна ничего не знает о его проблемах, и намеревался скрывать их от нее как можно дольше. Гордиться ему нечем.

– Конечно, если у тебя другие планы...

– Нет-нет, я с огромным удовольствием приду, – перебил ее Кен.

Сюзанна просияла:

– Чудесно. Я так рада.

К стоянке подъехал «роллс-ройс». Сюзанна указала на него Кену:

– А вот и моя лошадка.

– Красивая машина, – сказал Кен, глядя на блестящий серебристый автомобиль. – Интересно, на чем же ездит твой старик, когда хочет пустить пыль в глаза?

– О, у него есть «ролле» поновее. Это наша вторая машина. – Сюзанна подмигнула Кену и быстро чмокнула его.

– До вечера. Жду тебя в половине восьмого.

– Приду обязательно, – заверил Кен.

Сюзанна сбежала по ступенькам. Короткие шелковистые каштановые волосы блестели на солнце. Она уселась на переднее сиденье, помахала Кену, и «ролле» отъехал.

Кен побрел к белой «тойоте», приобретенной им прошлым летом с помощью родителей. Он вновь помрачнел. Кен любил бывать вместе с Сюзанной. Хотя он никогда не испытывал интереса к классической музыке и искусству, ему нравилось, как говорит о них Сюзанна, – с неподдельным увлечением, с пылом. И о литературе она любила поговорить. Что она подумает, узнав о его провале по английскому? Он должен справиться. Он не может разочаровать Сюзанну.

Не может.

Кен встряхнулся, повернул ключ зажигания, завел машину и направился к дому Уэйкфилдов. Он включил магнитофон, и зазвучала симфония Моцарта. На лице Кена появилась усмешка.

По предложению Сюзанны они на прошлой неделе ходили слушать Моцарта в исполнении оркестра колледжа Ласковой Долины. А потом Сюзанна подарила Кену эту кассету. Кен тогда горячо поблагодарил ее и сказал, что концерт доставил ему большое удовольствие. Но он хитрил: на самом деле ему с трудом удалось не заснуть.

Но, конечно же, всякий раз, когда Сюзанна садилась в его машину, Кен включал магнитофон и говорил, как любит слушать ее кассету. Тут нет ничего дурного, правда? Иначе Сюзанна могла бы подумать, что он не ценит ее подарок, а этого ему вовсе не хотелось. Пытаться полюбить то, что по душе твоей девушке, – это ведь так естественно для влюбленного. А если не получается, можно и слукавить. Кен не мог допустить, чтобы такая мелочь омрачила их отношения.

Кен остановил машину у светофора, вздохнул и нажал кнопку «стоп», вынул кассету с Моцартом и положил на приборную доску. Потом он наклонился, открыл «бардачок» и выбрал другую кассету. Когда зажегся зеленый свет, из кабины уже неслись хриплые звуки «Роллинг Стоунз». Кен не сомневался: Сюзанна не одобрила бы это. Однажды она сказала, что, по ее мнению, рок предназначен для людей, лишен-

ных вкуса. Он и вообразить не мог, что было бы, вздумай он преподнести ей кассету Мика Джаггера. Кен представил себе реакцию Сюзанны и улыбнулся, но, когда он стал размышлять дальше, улыбка увяла. Вообразить нельзя, чтоб Сюзанна согласилась слушать рок или вообще делать что-то просто потому, что это нравится Кену. Ему нетрудно было разок послушать Моцарта, но хотелось, чтобы и Сюзанна постаралась принять любимые им и важные для него вещи. Сколько уж они вместе, а Сюзанна ни разу не ходила на пляжную дискотеку или на рок-концерт.

Но затем перед глазами Кена встала Сюзанна, какой он видел ее последний раз, – с сияющей улыбкой, приветствующей его на школьной лестнице. Пока он с Сюзанной, ему на все наплевать. Отношения с ней – главное в его жизни. Ничего подобного он раньше не испытывал.

3

– Лиз!

Элизабет нечаянно задремала. Ее разбудил голос мамы, доносившийся из дальней части дома. Элизабет села и протерла глаза.

– Да-да, мамочка, – откликнулась она.

– Пришел Кен Мэтьюз.

Элизабет поправила бретельки купальника, пригладила волосы и пошла в дом. Кен в кухне беседовал с Джессикой.

– Привет, Кен, – весело поздоровалась Элизабет.

– Привет, – улыбнулся Кен.

Джессика положила руку ему на плечо и тоже широко улыбнулась:

– Что ты думаешь, Лиз? Кен только что обещал мне помочь с пикником.

– Это просто замечательно, Кен, – отозвалась Элизабет. – Хочешь чаю со льдом, кока-колы или еще чего-нибудь?

– Чаю со льдом, пожалуйста.

Элизабет пошла за стаканами.

«Кен выглядит усталым и обеспокоенным», – отметила она про себя.

Легко представить себе его состояние. Плохие отметки – это и само по себе достаточно неприятно, а тут еще ощущать, что все давят на тебя – исправляй, исправляй, – совсем

скверно.

Элизабет положила в стакан кубик льда, налила чай и протянула стакан Кену. Он поблагодарил ее и с жадностью глотнул.

– Ужасно хочется пить, – с улыбкой признался он. – Тренировка сегодня была напряженной.

– Могу себе представить. Праздничный матч не за горами, – тут же вставила Джессика.

В комнате стало тихо-тихо.

– О, черт! – воскликнула Джессика. – У меня слишком длинный язык.

– Ладно, Джес, – запротестовал Кен. – Я ведь для того и приехал.

– Я уверена, тебе ничего не стоит подтянуться, Кен, – жизнерадостно сказала Джессика. – Старина Элизабет Хэмингвэй-Уэйкфилд поможет тебе – и провал исключен.

– Спасибо, Джес, – от души поблагодарил Кен.

Элизабет пригласила Кена во дворик:

– Погода чудесная, давай поговорим на воздухе.

– Конечно. – Кен подошел вслед за Элизабет к бассейну и сел рядом с ней.

– Значит, условие такое, – начал Кен, – или я исправляю отметку по английскому, или не участвую в показательном матче. Мистер Коллинз дал мне еще один шанс. Ты, наверное, уже слышала – нам задали написать рассказ. Если я сдам приличную работу, Коллинз поставит мне проходной балл

и я буду играть. Но вся штука в том, Лиз, что я не уверен, смогу ли справиться. – Кен обхватил руками колени. – Откладываю и откладываю, в башку ничего путного не лезет. Даже придумай я что-нибудь, складного рассказа все равно не выйдет. Какой из меня писатель.

Элизабет от души пожалела его. Он сидел перед ней такой печальный.

– Зря ты на себя наговариваешь, Кен, – сказала она. – Я помню, в прошлом году, когда мы были на английском в одной группе, ты писал совсем неплохо. Доклад об Эдгаре По, например, получился замечательный.

– Это другое дело, – возразил Кен. – Там было много фактов, я просто систематизировал их. Но сейчас все иначе. Пусть даже у меня есть идеи, я не знаю, как их развить.

– Может, тебе поможет чтение. Возьми перечитай какие-нибудь хорошие рассказы. Я так поступаю, когда зато не ладится.

– Я пытался. Но все равно ума не приложу, как это – написать что-то целое, связанное. – Кен откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы. – Мне бы понять, как построен хоть один из этих рассказов, знаешь, постепенно, шаг за шагом. Тогда и я, наверное, сумел бы чего-нибудь сочинить.

Элизабет вдруг осенило.

– Подожди здесь, – сказала она. – Я сейчас вернусь. – И она побежала в дом.

Когда Кен сказал, что хотел бы посмотреть, как строится

рассказ с начала и до конца, Элизабет почувствовала прилив вдохновения. Она взбежала по лестнице к себе в комнату, подошла к письменному столу, достала одну папку и несколько минут изучала ее содержимое. Показать свое произведение кому-нибудь – настоящее испытание, но это то, что нужно Кену. Она сунула папку под мышку, спустилась вниз и пошла к бассейну.

– Держи! – Девушка бросила папку Кену на колени.

Кен поднял ее и полистал содержимое.

– Что это?

Элизабет перевела дыхание.

– Это – рассказ, мой рассказ, и все заметки и наброски к нему. Он несложный и небольшой – около пяти страничек. В нем говорится о парне, который недавно переехал в Ласковую Долину. – Она с волнением следила за Кеном. – Совсем простенькая история. Парень впервые осматривает город – и все. Но заметки, возможно, тебе помогут. Ты сможешь проследить весь процесс – от замысла до конца.

У Кена повеселели глаза:

– Здорово!

– Кен, я тебе доверяю. Я верю, что ты никому не покажешь. У меня, понимаешь, такое смешное отношение к своей писанине. Это для меня очень личное. Я никому еще этого не показывала.

Кен пробежал глазами начало рассказа.

– Почему, Лиз? – спросил он. – Ведь это по-настоящему

хорошо.

Элизабет судорожно сглотнула.

– Ну, просто не хочу, чтобы кто-нибудь видел подобные упражнения. Надеюсь, тебе это поможет, но пока я больше никому не хочу их показывать.

Кен посмотрел в лицо Элизабет. Видно было, что рассказ много значит для нее. Кен почувствовал себя польщенным таким доверием.

– Будь спокойна, Лиз. Обещаю, я никому не покажу.

– Пожалуйста, – серьезно сказала Элизабет. – Может, это чушь, но для меня – очень важная чушь.

Кен прочел еще немного.

– Неужели ты никому не показывала? Рассказ просто чудесный.

– Что ж, когда-нибудь, может, и покажу. Но не теперь.

– Не волнуйся, – заверил Кен. – Я буду осторожен.

Элизабет поднялась.

– Пошли, – сказала она. – Я провожу тебя до машины.

Кен сунул папку под мышку и пошел за Элизабет в дом. Джессика сидела за столом в гостиной вместе с Лилой Фаулер. Лила что-то яростно строчила в блокноте.

– Привет, Кен, – обрадованно приветствовала она. – Привет, Лиз.

– Привет, – ответила Элизабет. – Я не знала, что ты здесь.

Лила закончила записывать очередное поручение:

– Я только пришла.

– Ничего себе! – рассмеялся Кен. – Ты будто книгу пишешь.

– Просто еще кое-что для пикника. – Лила отхлебнула из стоящего перед ней стакана с содовой. – Честное слово, знай я, сколько предстоит работы, ни за что на свете не согласилась бы быть сораспорядительницей вместе с Джессикой.

Элизабет проницательно посмотрела на свою сестричку. Но та отвела глаза.

– Кен, – быстро сказала Джессика, – раз уж ты сам предложил помочь, будет здорово, если ты возьмешь на себя «поцелуйную» кабинку для девочек на пикнике после матча. Мне все равно кто-то нужен, а после вашей победы над «Пумами» все девчонки в Ласковой Долине жизнь готовы будут отдать за поцелуй капитана команды.

Кен замялся на минуту, но потом улыбнулся:

– Конечно, Джес. Счастлив буду помочь.

– Вот здорово! – заверещала Джессика. – Значит, записываем тебя. – Она повернулась к Лиле и деловито произнесла: – Записала? В кабинке для поцелуев – Кен Мэтьюз.

– Да-да, – подтвердила Лила, делая пометку в блокноте.

Элизабет покачала головой и вышла из гостиной вместе с Кеном. Когда они подошли к машине, Кен вновь помрачнел:

– Если я провалюсь, никто и двух центов не заплатит за мой поцелуй.

– Не паникуй, – ободряюще улыбнулась Элизабет. – Все обойдется – и с английским, и с матчем.

Кен улыбнулся ей привлекательной мальчишеской улыбкой:

– Ты так думаешь?

Элизабет подмигнула ему:

– Голову даю на отсечение.

Кен сел за руль «тойоты» и завел мотор.

– С такой замечательной учительницей я просто права не имею провалиться.

Элизабет засмеялась и помахала рукой. Кен вывел небольшую белую машину на улицу. Элизабет вернулась в дом и вошла в гостиную. Джессика с Лилой кончили записи, Джессика начала накрывать на стол.

– Лила, ты останешься ужинать? – спросила Элизабет.

– Да, – ответила Лила. – Нам с Джессикой придется работать почти всю ночь.

– А как дела у Кена? – осведомилась Джессика.

– Неплохо. – Элизабет присела к столу. – Мне так его жаль: он безумно волнуется.

– Пари держу, – заметила Лила, – стоит этой задавке Сюзанне Хэнлон узнать, что Кен завалил английский, она в его сторону больше не посмотрит.

– Вот именно, – поддержала ее Джессика. – Кену повезло, что он к тебе обратился за помощью, а не к Сюзанне.

Элизабет достала из буфета стаканы и поставила на стол:

– Трудно сказать. Может быть, мы несправедливы к Сюзанне. Я имею в виду, что никто из нас не знает ее как сле-

дует. Может, она просто застенчива.

– Ты шутишь, Лиз? – расхохоталась Джессика. – Да цени себя Сюзанна еще чуток повыше, она бы вообще над землей воспарила.

– Ну есть же в ней что-то, кроме спеси. Иначе Кен не обратил бы на нее внимания.

– Не знаю, не знаю, – проворчала Лила. – Кен – парень разборчивый, но все же парень. А им мало дела до характера.

– К счастью для тебя, Лила, – засмеялась Джессика. – А то коротать бы тебе субботние вечера в одиночестве.

– Очень остроумно, Уэйкфилд.

– Все, закрываем прения, – примирительно сказала Элизабет.

Хотя Джессика с Лилой были закадычными подругами, Элизабет частенько приходилось играть при них роль рефери.

– Главное, мы поможем Кену справиться с сочинением, он исправит отметку и будет участвовать в матче.

– Верно, – согласилась Джессика.

– И не забудьте, это секрет, – предупредила Элизабет. – На Кена и так все давят.

– Ладно, я никому не скажу, – промямлила Лила. – Я не из тех, кого хлебом не корми – дай посплетничать.

Джессика в ответ только хмыкнула.

Обе сестры знали, что каждый вечер телефон у Лилы раскаляется, как гриль на барбекю. Но Элизабет все же надея-

лась, что она пожалеет Кена и никому не разболтает.

Элизабет верила в Кена. Стоит ему настроиться, и рассказ получится прекрасным. Однако ей было немного неприятно, что одно из ее произведений находится в чужих руках. Но ничего страшного, если Кену это поможет... Игра стоит свеч.

4

Дом Сюзанны Хэнлон стоял на холме, с которого открывался вид на Ласковую Долину. В этом районе жили городские богачи. Дом стоял в стороне от дороги, почти невидимый за высокими деревьями и кустарниками. Но Кен быстро нашел его, потому что дом Сюзанны был расположен неподалеку от имений Пэтменов и Морроу, а ему приходилось бывать у них на приемах и вечеринках.

По извилистой подъездной аллее Кен въехал на широкий двор с великолепным фонтаном и увидел особняк – огромный, белый, похожий на дома южан-плантаторов.

Кен остановил машину рядом с «ролс-ройсом» на стоянке перед домом и выключил мотор. Он посмотрел в зеркало – в порядке ли волосы – и подумал, не надеть ли захваченный с собой галстук. Вид у дома был такой, что галстук пришелся бы кстати, но все же Кен колебался. Он боялся выглядеть чересчур расфуфыренным. В конце концов опасения одержали верх, Кен не стал повязывать галстук, вылез из машины и направился к парадному подъезду роскошного здания.

Кена поражало, как это девушка, живущая в подобном доме, могла заинтересоваться им. Он и сам не из бедной семьи. Мэтьюзы жили в удобном доме, у Кена была собственная машина, и вообще он мог иметь практически все, что пожелал бы. Но это... это совсем другой мир.

Кен дернул колокольчик у двери и услышал перезвон внутри дома – как на церковной колокольне. И почти тотчас же мужчина в темном костюме открыл дверь.

Кен широко улыбнулся:

– Мистер Хэнлон? Здравствуйте, я Кен Мэтьюз.

Мужчина нахмурился:

– Меня зовут Мейсон, сэр. Я дворецкий. Мисс Хэнлон ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Кен вспыхнул. Он почувствовал себя дураком. Как мог он допустить такую идиотскую ошибку? Оставалось надеяться, что Сюзанна о ней не узнает.

Мейсон провел Кена через огромный холл к двойным дверям из резного красного дерева. Затем дворецкий распахнул обе створки и встал сбоку. Кен сообразил, что должен войти в комнату. Он вошел, Мейсон закрыл за ним двери. Кен остался один и осмотрелся. Все выглядело нереальным, как в кино. Кен ожидал увидеть по стенам яркие абстрактные полотна, но, напротив, все в комнате оказалось белоснежно-белым: стены, мебель, ковры – все. Никогда ему не случалось бывать в помещениях столь красивых и роскошных.

Дверь в другом конце комнаты распахнулась, вошла Сюзанна. Выглядела она сногшибательно. На девушке было белое летнее платье, выгодно подчеркивающее ровный загар гладкой кожи.

– Ты и вправду пришел, – улыбаясь сказала она. – И как раз вовремя. – Она подошла к Кену и легко коснулась губами

его щеки.

– Ну и ну! – Кен не переставал глазеть на убранство комнаты. – Похоже на снежную бурю!

Сюзанна рассмеялась:

– Неплохо, а? Я немного боюсь приводить сюда кого-нибудь. Люди теряются.

– Это касается и твоего дворецкого. От него прямо мурашки по коже бегают.

– Ах, Мейсон. Да, вид у него суровый, но на самом деле он просто милашка. Мы с братом, когда были маленькими и играли в ковбоев и индейцев, переодевали Мейсона ковбоем. Видел бы ты его в дурацкой шляпе, привязанным к дереву! – Сюзанна расхохоталась. – У нас где-то должна быть фотография.

Кен посмеялся вместе с ней.

– Я не прочь посмотреть. – Но он с трудом мог представить строгого и важного Мейсона играющим в ковбоев и индейцев с двумя ребятами.

Сюзанна взяла Кена за руку и повела к двери, из которой только что вышла сама:

– Пошли. Мама и папа на веранде. Они жаждут с тобой познакомиться.

– Могу себе представить, – мрачно заметил Кен. – Мне следовало бы надеть галстук.

– Не будь дурачком, – весело успокоила его Сюзанна.

Она улыбнулась Кену и, прежде чем открыть дверь, слегка

сжала его руку. Они прошли по коридору и очутились на веранде. Веранда, такая же красивая, как и первая комната, не имела белого больничного вида. Здесь было много горшков с растениями и плетеная мебель. В центре, напротив друг друга, стояли две кушетки, а в дальнем конце – два обитых нарядной материей стула и между ними маленький столик. Из стерео на стене доносились приглушенные звуки классической музыки.

Отец Сюзанны – он сидел на одном из стульев – поднялся, когда дочь ввела в комнату Кена. Мистер Хэнлон точно сошел со страниц последнего номера ежеквартального «Журнала для джентльменов». Перед Кеном предстал высокий стройный мужчина, с седыми, со стальным отливом волосами и бронзовой кожей. Одет он был в серый хлопчатобумажный джемпер и белые льняные брюки.

– Кен, вот мой папа, Хэнк, – представила Сюзанна.

Мистер Хэнлон пожал Кену руку:

– Привет, Кен. Рад познакомиться.

– Рад познакомиться, мистер Хэнлон, – ответил Кен.

Он заметно нервничал.

– Бог с тобой, обойдемся без «мистеров», – тепло улыбнулся отец Сюзанны. – Все зовут меня Хэнк.

– Хэнк, – с трудом повторил Кен. Родители приучили его называть взрослых по фамилиям, и ему казалось странным обращаться к мистеру Хэнлону по имени.

Сюзанна подвела его к матери. Миссис Хэнлон было чуть

за сорок, Сюзанна очень походила на нее. У обеих темные волосы и гибкие фигурки, но у миссис Хэнлон глаза голубые. Она напоминала Кену нежный цветок.

– Моя мама, Мэриан, – сказала Сюзанна.

– Рад познакомиться, Мэриан, – выговорил Кен.

Миссис Хэнлон приветливо улыбнулась:

– Мы много слышали о тебе от Сюзанны.

– Только хорошее, надеюсь? – Кен немного расслабился.

– Конечно, – засмеялась миссис Хэнлон. – Только хорошее. – Она указала на кушетки. – Почему бы нам не перейти туда, там беседовать куда уютней.

Кен опустился на кушетку рядом с Сюзанной.

– Сюзанна говорила, вы занимаетесь компьютерами, – обратился он к мистеру Хэнлону.

Тот сел на кушетку, рядом с женой. Кен тут же смутился.

«Заниматься компьютерами» – надо же было выразиться так неуклюже.

Мистер Хэнлон улыбнулся:

– Можно сказать и так. У меня фирма-консультант, мы занимаемся поставкой компьютерного оборудования крупным организациям.

– Это, должно быть, очень интересно.

– Да, – согласился мистер Хэнлон. – Но в настоящий момент весьма непросто. Мы только что открыли новое подразделение в Сан-Франциско, и я много времени провожу там.

– А сколько всего подразделений в вашей фирме?

Заметив уклончивую улыбку мистера Хэнлона, Кен сообщил, что ему неприятен разговор о делах.

– Ну, если считать Чикаго, где у нас только небольшая контора, тогда шесть. Но на самом деле в Чикаго разрабатываются все проекты. А реализуются здесь, в Ласковой Долине.

– Понятно.

Наступило неловкое молчание. Его прервала мать Сюзанны:

– Ты кончаешь школу в следующем году, Кен?

– Верно.

– А что собираешься делать после окончания?

– Хочу поступить в колледж. Но пока не знаю, в какой.

– Ну, – вмешался мистер Хэнлон, – у тебя еще есть время решить.

Дверь на веранду открылась, и вошел Джеффри, младший брат Сюзанны. Одет он был как отец – в светлый джемпер и слаксы, – но выглядел не таким подтянутым.

– Ужин, наверное, готов, – сообщил он.

– Джеффри, – заговорила миссис Хэнлон, – познакомься с другом Сюзанны, Кеном Мэтьюзом.

Кен встал и пожал мальчику руку:

– Привет, Джеффри.

– Привет, – вяло ответил Джеффри. Его, видно, совершенно не интересовал Кен.

– Давайте-ка за стол, – сказал мистер Хэнлон. – К ужину

у нас форель. Надеюсь, Кен не против.

– Нет, что вы.

Все вышли из комнаты. Сюзанна с Кеном немного отстали. Когда они остались одни, девушка с улыбкой обратилась к нему:

– Послушай, Кен. Тебе, наверное, лучше во время ужина не заговаривать о футболе.

– Почему? – Кен был озадачен.

– Ну, – пояснила Сюзанна, – папе это не очень интересно. Он считает, что в школах спорту уделяют чересчур много внимания. Такие темы с ним лучше не обсуждать.

– Хорошо, – согласился Кен. – Понял.

Но в действительности он ничего не понял и чувствовал себя стесненно. Он понимал, однако, как важно для него произвести благоприятное впечатление на отца Сюзанны. Если мистеру Хэнлону не нравятся разговоры о футболе, что ж, Кен ни слова об этом не скажет.

– Договорились. – Сюзанна улыбнулась. – Пошли же.

Кен последовал за девушкой по длинному коридору в столовую. Это была просторная комната, обшитая дубовыми панелями, с массивным резным столом посередине – за ним свободно могло поместиться человек десять. На белоснежных скатертях красовались букеты цветов и старинные хрустальные бокалы, перед каждой тарелкой лежало столько серебряных приборов, что хватило бы на дюжину обедающих. Когда все расселись, миссис Хэнлон позвонила в малень-

кий колокольчик, стоявший перед ней. Почти тотчас же молоденькая горничная внесла супницу. Кен выбрал из своих приборов ложку, лежавшую дальше всех, и с удовлетворением отметил, что все поступили так же. Мысленно он поблагодарил мать, научившую его обращаться с приборами.

За супом – холодным, густым и очень вкусным – последовал зеленый салат. Затем горничная поставила перед каждым тарелку с дымящейся форелью, приправленной свежей зеленью и чудесно зажаренной. Голова у рыбы была неотрезанной, поэтому она показалась Кену какой-то странной, точно «не в своей тарелке».

«Я тебя понимаю, дружище», – прошептал про себя Кен. – Ты рыбачишь, Кен? – поинтересовался мистер Хэнлон, поднося ко рту вилку с кусочком рыбы.

Кен проглотил первый кусок форели, жирной и душистой, таявшей на языке.

– Да, – ответил он, прожевав деликатес. – Мы с отцом часто зафрахтовываем судно и выходим рыбачить в океан.

Мистер Хэнлон кивнул:

– С таким удовольствием ничто не сравнится, правда?

– Обожаю глубоководную ловлю, – согласился Кен. – В прошлом году я поймал небольшую акулу. Мы хорошенько рассмотрели ее, а потом выпустили.

– М-м-м, – согласно промычал мистер Хэнлон. – Нет смысла держать их. Слишком много хлопот.

– Вот именно. – Кен съел еще кусочек. – Они и на суше

опасны, как в воде. Правда, наша акула была совсем маленькой. Акуленок, наверное.

Снова наступило тягостное молчание. Только теперь Кен заметил, что держит нож и вилку не так, как остальные. Он отрезал кусочек, а затем перекидывал вилку в правую руку, а Хэнлоны, отрезав рыбу, подцепляли ее на вилку, оставшуюся в той же руке. Кену показалось, что выглядит это как-то чудно, но все же он попробовал было сделать то же, однако не смог удержать форель на вилке. Он оставил попытки, отметив про себя, что надо попрактиковаться дома.

Мистер Хэнлон повернулся к сыну:

– Как продвигается твое задание по Шекспиру?

Мальчик уткнулся в тарелку.

– Прекрасно.

– Джеффри работает над моделью театра «Глобус», – пояснил мистер Хэнлон. – Это его индивидуальное задание по английскому. «Глобус» – театр, в котором Шекспир поставил большинство своих пьес.

При упоминании об английском Кен почувствовал укол совести. Но Сюзанна сказала, что ужин кончится не поздно. По возвращении домой у него будет еще масса времени для работы над сочинением.

– Ты хорошо знаешь Шекспира, Кен? – спросил мистер Хэнлон.

Кен опустил вилку.

– Нет, боюсь, что нет, сэр.

– Ну ничего. Многие парни в твоём возрасте не думают о таких вещах. Я бы тоже не интересовался этим, если бы не мой отец.

– Поехали.

Джеффри и Сюзанна переглянулись. По-видимому, это была семейная шутка.

Миссис Хэнлон со своего конца стола разъяснила гостю:

– Понимаешь, Кен, отец Хэнка страдал шекспироманией.

– Да-да, – подтвердила Сюзанна. – Он мог посреди обеда встать и начать во весь голос декламировать целые сцены из шекспировских пьес.

Мистер Хэнлон засмеялся:

– Ну, совсем уж чокнутым он не был. Декламация обычно имела отношение к застольной беседе.

– Берегись. – Сюзанна лукаво взглянула на Кена. – Иногда папочке хочется продолжить семейную традицию.

– Ничего подобного, – запротестовал мистер Хэнлон, при-
творяясь обиженным.

– Не отнекивайся, – настаивал Джеффри.

– «Неблагодарность детей ранит больше ядовитых зубов змеи», – процитировал мистер Хэнлон.

– Началось, – засмеялась миссис Хэнлон.

– Это из «Короля Лира», – пояснил Кену мистер Хэнлон.

– Действие первое, – подхватила Сюзанна.

– Сцена четвертая, – продолжил Джеффри.

Хэнлоны разразились смехом. Кен смотрел на них и на-

пряженно улыбался.

– Что бы вы ни говорили, – сказал мистер Хэнлон, когда все немного успокоились, – я считаю, это замечательно.

– Разумеется, – кивнула Сюзанна.

– Жаль, что в школах мало внимания уделяется изучению классики, – продолжал ее отец. – Не перестаю изумляться: сколько времени отводится всяким там футболом, бейсболам, а настоящее образование – побоку. Как будто раз и навсегда решили: основная цель – готовить побольше безмозглых накачанных молодчиков.

Кен молча уставился в тарелку. Но через минуту выпрямился, пытаясь встретиться взглядом с Сюзанной. Но она смотрела на отца. Если она и не была согласна с последним его замечанием, то никак своего несогласия не проявила. Мистер Хэнлон уже перешел на другую тему, а Кен все не мог успокоиться. Неужели отец Сюзанны прав? Разве он, Кен, просто безмозглый качок?

Казалось, все подтверждает его мнение. Он ведь завалил английский. Вряд ли еще с кем-нибудь могло такое стрястись. Может, все дело в футболе? Но Кен чувствовал, что подобные мысли – предательство по отношению к товарищам по команде. Многие спортсмены из их школы хорошо учились. И Кен знал – футбол научил его множеству вещей, которые ему бы никогда не усвоить, сидя за партой. Кену хотелось высказать это все мистеру Хэнлону, но спорить с ним он не собирался. В конце концов, Сюзанна предупреди-

ла его – за ужином ни слова о футболе. Не стоит нарушать обещание: Сюзанна, чего доброго, рассердится. Ужин наконец кончился. Кен поблагодарил Хэнлонов и пошел к своей машине. Сюзанна сопровождала его. Ему надо было поговорить с ней о своем отношении к футболу. Он должен убедить ее. Мысли Кена мешались, он плелся позади Сюзанны по подъездной аллее и хранил унылое молчание.

Они прошли мимо фонтана, подошли к машине Кена. Было девять часов, на небе догорали последние отблески заката; до Кена доносилось мирное журчание воды в фонтане, но настроение не улучшалось.

Сюзанна заговорила первой:

– Тебя огорчили папины слова?

Кен кивнул:

– Это неправда. Спортсмены – не сборище безмозглых тупиц, тузящих друг друга почем зря. Твой отец не понимает.

Сюзанна взяла лицо Кена в руки, прижала к себе, нежно поцеловала его в губы.

– Молодец, – прошептала она. – Ты прекрасно держался. И все это выеденного яйца не стоит.

В эту минуту Сюзанна без труда могла бы убедить Кена, что дышать или не дышать – тоже чепуха. И ощущение, что она не понимает его, не покидало Кена. Но сейчас это не имело значения. Так бывало, когда они оставались одни. Он обнял ее, ответил на поцелуй.

– Мне просто хотелось увериться, что ты не считаешь ме-

ня тупицей. – Он настойчиво заглядывал в глаза Сюзанны, пытаясь проникнуть в ее мысли.

Сюзанна прямо посмотрела на него:

– Кен, разве ты не понимаешь, как я к тебе отношусь?

Кен понурил голову:

– Ну, да. Но иногда мне сдается – я глуповат для тебя.

Сюзанна заставила его поднять голову и взглянуть ей в лицо.

– Слушай. Ум и знания вовсе не одно и то же. Важно – что и как ты думаешь о том, что знаешь. Ты очень умный. Я в самом деле так думаю. А если и не так – неважно. Ты один из самых славных людей, каких я знаю.

Кен улыбнулся. Он чувствовал себя немножко глупо – как ребенок, испугавшийся привидения в шкафу. Но Сюзанна открыла шкаф и показала ему – там пусто, его волнения – чепуха. Все уладится. Он напишет сочинение, его команда выиграет матч и докажет мистеру Хэнлону, что спортсмены не такие уж тупицы.

Кен уселся в машину, опустил стекло.

– Увидимся завтра?

– Если буду жива, – с улыбкой ответила Сюзанна. – Мне еще предстоит миллион звонков по поводу поэтического вечера.

– Справишься.

Кен завел машину, поцеловал Сюзанну еще раз и тронулся в путь. Сюзанна помахала ему рукой.

На шоссе, сразу за воротами, Кен остановил машину на перекрестке и огляделся. В нескольких метрах слева он заметил две знакомые фигуры, направлявшиеся к нему. Это были Брюс Пэтмен и Регина Морроу.

– Эй, Регина, – окликнул Кен, высунувшись в окно, – все трусцой бегаешь или Брюс опять гонится за тобой?

Брюс подошел к «тойоте».

– Гонюсь? Да я ползу как черепаха, чтоб не догнать ее.

Регина хихикнула:

– Это потому, что мужчины стареют намного быстрее женщин.

По мнению Кена, Регина выглядела отпадно. В последний раз он видел ее на большом приеме, когда Морроу отмечали свое освобождение из плена. В тот вечер вид у Регины был немного усталый, но сейчас она была вновь так же красива, как и до своего неприятного приключения.

– Куда это вы торопитесь на ночь глядя? – поинтересовался Кен.

Брюс прислонился к машине.

– Знаешь, у меня столько хлопот со столетием, совсем нет времени бегать по утрам. Ну, я и стал бегать после того, как покончил с делами, а Регина таскается за мной.

– Таскаюсь? – снова хихикнула Регина, запуская пальцы в длинные темные волосы. – Да я последний километр тащила тебя на закорках.

Кен не мог до конца поверить, что Регина сейчас слышит

его. До недавних пор, разговаривая с Региной, приходилось стоять прямо перед ней: девушка читала по губам. Но после лечения в Швейцарии слух у нее стал почти нормальным.

– Ты что, только оттуда? – спросил Брюс, указывая на особняк Хэнлонов.

– Да, – улыбнулся Кен. – Я с ними ужинал. Было очень хорошо.

– Они приятные люди, – согласилась Регина.

– Как подвигается задание по английскому? – поинтересовался Брюс.

– Идет помаленьку. Приеду домой – и тут же возьмусь за него.

– Правильно, – кивнул Брюс. – Не позволяй одолеть себя. – Он похлопал Кена по плечу.

– Не позволю.

– Ладно, мы пошли. – Брюс игриво потянул Регину за руку. – Наперегонки до твоего дома?

– Побежали, – засмеялась Регина. – До встречи, Кен.

– До встречи, пока. И смотри в оба: Брюс – известный обманщик.

– Ничего подобного, – весело возразил Брюс, наклонился и принял положение «на старт». – Готова?

– Готова.

– Так, на счет «три». Раз, два... – Он побежал.

Кен рассмеялся, глядя, как гонится за Брюсом Регина.

– Нечестно! – визжала она.

Кен завел мотор и поехал домой.

Когда Брюс с Региной начали встречаться, никто не думал, что это надолго. Они не подходили друг другу. Кен знал, что многие придерживаются подобного мнения и о них с Сюзанной. Но неожиданная встреча с Брюсом и Региной лишний раз убедила его – самые разные люди могут, однако, полюбить друг друга. А Кен был уверен, что любит Сюзанну и что она тоже питает к нему серьезное чувство.

«И неважно, что думают другие, – говорил себе Кен, ведя машину по извилистому шоссе. – Мы им покажем! Покажем, что между нами происходит нечто настоящее».

5

Кен включил пишущую машинку и вставил в нее чистый лист бумаги. Все было готово к работе. Он посидел с минуту за письменным столом, сгибая и разгибая пальцы. «Нет. – Кен поднялся, походил по комнате и уселся в кресло для чтения. – Будем делать все по порядку».

Он вынул папку Элизабет и начал читать, сначала заметки и наброски, а потом сам рассказ. С таким гидом не заблудишься. Все ясно – от начальных заметок до результатов. Все как на ладони.

Кен старался сосредоточиться на заметках Элизабет, но постепенно пришел к выводу, что ему мешает жужжание электрической машинки. Звук не давал сконцентрироваться. Кен заметил, что целые куски приходится перечитывать по нескольку раз. Он встал, выключил машинку.

Теперь в комнате стало тихо. Слишком тихо. Он вспомнил о задании по математике к завтрашнему дню. Кен еще не притрагивался к нему, а ведь планировал выполнить его до ужина у Хэнлонов. Может быть, стоит разделаться с математикой, а потом уж приступать к рассказу? Тогда ничего не будет висеть над душой, и он с ясной головой займется сочинением.

Кен подошел к письменному столу, достал учебник математики, тетрадь и принялся решать заданное. Задачи оказа-

лись довольно легкими, они заняли меньше получаса. Кен посмотрел на часы: полонинадцатого. Пора приниматься за рассказ. Он снова взялся за бумаги Элизабет. Протер глаза. Обычно в это время он не чувствовал себя настолько усталым. Наверное, из-за трудной тренировки. Вспомнив тренировку, он заулыбался. Они испробовали сегодня несколько новых штук, и Кен считал, что команда готова к серьезным испытаниям.

Кен погрузился в размышления о предстоящем матче. Представил себе трибуны, полные болельщиков, кричащих и аплодирующих команде Ласковой Долины; себя самого в футбольной форме, которая сразу придает уверенность. Игроки борются за мяч, он подает команды, центральной бросает ему мяч, Кен отбегает назад, ищет глазами принимающего. К зоне защиты подбегает Скотт Трост – Кен отвел руку назад и...

Звонок телефона заставил Кена подскочить в кресле.

– Алло, – буркнул он в трубку.

– Алло, – услышал Кен голос Сюзанны. – Что-нибудь не так? У тебя странный тон.

– Нет-нет, – засмеялся Кен, – извини. Я просто здорово устал.

Сюзанна рассмеялась в ответ:

– Слушай, забыла тебе сказать, завтра вечером мы с друзьями собираемся в кино. Я буду в восторге, если и ты присоединишься.

Кино. Кен улыбнулся про себя. Сюзанна, наверное, единственная из его друзей говорила не «киношка», а «кино».

– Конечно, – сказал он в трубку. – Что будем смотреть?

– «Седьмую печать». Ты, разумеется, смотрел его раньше. Это фильм Бергмана.

Кен лихорадочно соображал. Он всегда забывал фамилии режиссеров. Нет, этот фильм он точно не видел.

– Нет, кажется, не смотрел.

– Неужели? – недоверчиво протянула Сюзанна. – Не мог ты ни разу не смотреть «Седьмую печать». Это же ведь классика.

– Наверное, я был занят чем-то еще, когда он вышел, – ответил Кен, стараясь говорить как можно непринужденнее. – Он шел прошлым летом? Я тогда был в лагере, вожатым.

– Он вышел на экран в пятьдесят седьмом году, – спокойно пояснила Сюзанна.

– Ну, в таком случае все ясно. В пятьдесят седьмом я в самом деле был занят. Я, наверное, за весь год ни разу не выбрался в киношку.

Сюзанна опять засмеялась:

– Сеанс в восемь, в «Плазе». Давай встретимся там восьмого.

Кен бросил взгляд на пустой лист бумаги в машинке. Рассказ надо закончить в два дня. Если он не кончит сегодня, завтра и думать нечего о кино. Он знал, что должен сказать «нет». Но разве мог он сказать «нет» Сюзанне?

– Полвосьмого подходит, – ответил он.

– Вот и хорошо. Увидимся в школе.

– Увидимся.

Кен повесил трубку и уставился на бумагу, тяжело вздохнул и вновь уселся в кресло.

Забавно. Он читал, совершенно точно читал первые страницы, но понятия не имел, о чем там шла речь.

Он решил начать сначала. Почитал какое-то время, делая заметки в лежавшем на коленях линованном блокноте. Постепенно перестал делать заметки: внимание опять рассеялось. В комнате было слишком тихо. Может, поможет музыка? Он включил стерео, снова сел и продолжил читать. Зевнул, заложил руки за голову. Он в самом деле устал. Попробовал еще раз пробежать глазами страницу. Страница словно плыла в воздухе. А буквы танцевали под несущуюся из стерео музыку.

Казалось, прошло всего несколько минут. Кен вздрогнул и проснулся от громкого боя радиочасов. Шея не гнулась, он совсем продрог.

Только откинув занавески, Кен увидел, что на улице светло, и понял, что целую ночь проспал в кресле. Странички с рассказом Элизабет валялись на полу. Наступило утро вторника. Сочинение должно быть готово к следующему дню.

6

Кен опоздал на урок английского и, пытаясь тихонько прошмыгнуть в класс, заметил, какой взгляд бросил на него мистер Коллинз. Он был благодарен учителю, что тот не стал ругать его перед всеми.

«Послушай, парень, – сказал Кен сам себе, – если ты в самом деле хочешь уладить свои дела с английским, ты на ложном пути».

Мистер Коллинз кончал давать указания к заданию на следующий день.

– Не старайтесь оригинальничать, – говорил он.

Предполагалось, что большинство учеников уже почти завершили свои сочинения.

– Обычно, особенно когда речь идет о творческом задании, чем проще, тем лучше. Просмотрите свой рассказ, убедитесь, что выразили мысль предельно просто. Уверьтесь, что он не производит впечатления написанного со словарем на коленях. Рассказ во многом определит вашу отметку за семестр, и я хочу, чтоб вы приложили максимум усилий. А теперь вернемся к сегодняшнему заданию и поговорим о прочитанном вами.

Остаток урока прошел для Кена как в тумане. Он не принимал участия в обсуждении, но несколько раз его приглашали высказаться и приходилось придумывать какой-нибудь

вопрос. Когда прозвенел звонок, Кен вздохнул с облегчением. Но только он начал собирать книги, его окликнул мистер Коллинз:

– Кен, задержись на минутку.

Кен увидел, что класс опустел, и страх охватил его. Он остановился перед столом мистера Коллинза.

Учитель заговорил:

– Ты опоздал сегодня.

– Да, мистер Коллинз. Я слишком медленно ехал. Вчера допоздна работал над рассказом. – Кен не мог признаться, что не написал ни слова.

– Что ж, – улыбнулся мистер Коллинз, – ценю твое усердие, но не изнуряй себя. Обязательно поспи сегодня ночью, ладно?

– Ладно, – улыбнулся в ответ Кен. Но он знал, что поспать вряд ли удастся. Какой там сон – надо написать рассказ и сходить с Сюзанной в кино. Он предполагал взяться за рассказ сразу же после тренировки. У него будет около трех часов до встречи с Сюзанной и еще часа два после возвращения домой.

– Это все, мистер Коллинз? – спросил Кен.

– Да, все. Спасибо, Кен.

Кен двинулся было к двери, но остановился и повернулся к учителю:

– Мистер Коллинз?

– Да, Кен?

– Я просто хочу поблагодарить вас за то, что вы дали мне этот шанс. Я не подведу вас.

Мистер Коллинз улыбнулся:

– Не сомневаюсь.

Кен вышел из класса.

– Эй, Мэтьюз, шевелись! – Кен обернулся, и в тот же момент Скотт Трост, главный принимающий игрок «Гладиаторов», бросил мяч прямо ему в грудь. Мяч ударился в Кена, упал и покатился ему под ноги.

– К счастью для нас, ты ведущий игрок, а не принимающий, – со смехом сказал Скотт.

У старшекласника Скотта, верзилы под метр девяносто, были каштановые волосы и сверкающие синие глаза. Он тоже входил в основной состав команды и благодаря своей быстроте был одним из лучших принимающих, с которыми Кену приходилось играть.

– Лучше, – огрызнулся Кен, отбивая мяч обратно Скотту, – если б ты на поле поворачивался так же быстро, как во время своих дурацких шуточек, я бы горя не знал.

– А то ты перетрудился? Да от тебя ничего и не требуется – только пятиться и подавать мячик. А я уж из кожи вон вылезу, чтобы поймать его.

– Ага, мячиком кидаться – дело плевое. Одна загвоздка – бандиты-защитники под ногами путаются.

Скотт засмеялся. Они завернули за угол. В нескольких шагах, у своего шкафчика, стояла Сюзанна. Она не замети-

ла Кена, но у него перехватило дыхание. Сколько бы он ни видел ее – каждый раз эта девушка посылала его в нокаут. А сегодня утром Сюзанна выглядела особенно прекрасной.

Скотт с минуту изучал лицо Кена:

– Как у тебя дела с этой красоткой?

– Замечательно.

– Вот чудно-то. – Скотт прислонился к своему шкафчику и поигрывал мячом. – Ну, трудно было предположить, что из вас выйдет парочка.

Кен почувствовал легкое раздражение. Ему было неприятно, он устал оттого, что все считают своим долгом отметить, какие они с Сюзанной разные.

– А ты не суйся, понял? – огрызнулся он.

– Правильно, – согласился Скотт, – это не моего ума дело.

Теперь Кену стало жаль, что он рывкнул на товарища по команде.

– Ладно, извини за грубость.

Скотт улыбнулся в ответ:

– Пустое.

Они подошли к Сюзанне. Кен приветствовал ее с радостной улыбкой.

– Привет, дорогой. Я как раз тебя поджидаю, – отозвалась Сюзанна.

– В чем дело? – с надеждой спросил Кен: вдруг что-то случилось и поход в кино не состоится.

– Вечером, перед кино, мы решили вместе поужинать. Ко-

нечно, ты с нами?

– Конечно, – не подумав, сказал Кен.

Он неуверенно улыбнулся:

– Во сколько?

– Около шести?

На душе у Кена стало скверно: значит, на рассказ остается около полутора часов. Кен знал – он должен сказать «нет», но перед улыбкой Сюзанны он был бессилён.

– Ладно. В шесть нормально.

– Хорошо, значит, увидимся позже.

– Отлично. – Кен быстро поцеловал ее. – Увидимся.

Вместе со Скоттом Кен смотрел вслед удаляющейся по коридору Сюзанне.

Скотт понимающе подмигнул Кену и заговорил первым:

– Да, штучка ничего себе.

Кен не прореагировал. Он был слишком занят размышлениями – выходит, ночью спать не придется.

– Кстати, – продолжал Скотт, – тренировка сегодня может немного затянуться. Тренер хочет разработать с нами новый вариант игры в конце матча.

«Так-так, великолепно, – подумал Кен, – этого мне еще не хватало».

– Понял, – сказал он вслух. – Увидимся на тренировке.

– Счастливо. – Скотт направился к своему классу. – Пока.

– Пока.

Кен еще минуту после ухода Скотта постоял в коридоре.

Он чувствовал себя так, точно на него навьючили неподъемный груз. Он боялся признаться себе, что рассказ должен быть сдан завтра утром, а он даже не начал его писать.

Кен так глубоко задумался, что заметил Элизабет, только когда она заговорила с ним:

– Привет, Кен!

Элизабет была с Инид Роллинз, своей лучшей подругой.

– О, привет, Лиз, – сказал Кен. – Извини, я сегодня что-то не выспался. Привет, Инид.

Элизабет улыбнулась ему:

– Как подвигается сочинение?

– Так, – уклончиво ответил Кен. – Понемножку.

Инид засмеялась. Ее группа получила по английскому такое же задание.

– Я рада, что заранее начала работать над ним, – сказала она. – Что-то не особо мне дается сочинительство. Не всем же быть писателями. – Она кивнула на Элизабет.

– Но, Инид, – запротестовала Элизабет, – среди нас вообще нет настоящих писателей.

– Не скромничай, – возразила Инид. – Для тебя писать так же естественно, как дышать.

– Нет. Для меня это тяжелый труд, – твердо заявила Элизабет. – Просто я люблю его.

– Кстати, – обратился к ней Кен, – материалы, которые ты мне дала, здорово помогают.

– Ну и хорошо. Я рада. – Элизабет глубоко вздохнула и

повернулась к Инид с извиняющейся улыбкой: – Инид, подожди минутку, пожалуйста. – Она взяла Кена за руку и отвела в сторону. – Знаешь, мне хотелось бы... ну... я никому не давала читать свои рассказы, ты первый – и мне интересно... интересно твое мнение.

Кен уставился в пол. Он не мог признаться Элизабет, что до сих пор не дочитал ее рассказ. Но то, что он успел прочесть, показалось ему замечательным.

– Ну, – начал он, – я думаю, это прекрасно. Я знал, ты здорово сочиняешь и все такое, но, Лиз, рассказ и правда превосходный.

Элизабет просияла.

– Я рада, что тебе понравилось, – сказала она.

И тут же прозвенел звонок, начинался следующий урок.

Инид позвала Элизабет с другого конца коридора:

– Пошли, Лиз, а то опоздаем.

– Иду, – откликнулась Элизабет.

Она повернулась к Кену:

– Мне надо идти.

– Ага, мне тоже, – пробормотал Кен.

– Мне не терпится прочесть твой рассказ, Кен, – бросила через плечо Элизабет, убегая вместе с Инид.

– Мне тоже, – прошептал Кен.

Ничто не помогало. Кен сидел, уставившись на клавиши машинки, а в голове было пусто. Он проверил время. Два часа утра. Он просидел за машинкой не меньше трех часов, а результат был нулевой. Непонятно почему, но он не мог выдавить из себя ни единого слова.

«Только бы начать, только написать первую фразу, – думал он, – дальше пошло бы легче».

Но, хотя Кен придумал, о чем писать, он понятия не имел, как начать. После возвращения домой с тренировки он несколько раз перечитал рассказ Элизабет. Рассказ назывался «Новичок» и был еще лучше, чем ему показалось вначале. В нем рассказывалось о пареньке, который переехал в Ласковую Долину из Нью-Йорка. Удивительно, как Элизабет сумела передать ощущения мальчика, впервые, осматривающего ее родной город. И стиль тоже был безупречен. Элизабет писала просто, лаконично, но с каждой отточенной фразой читатель узнавал о герое что-то новое. Кен заметил, что погрузился в размышления о гуляющем по красивому калифорнийскому городку парне, переживает вместе с ним его одиночество вдали от Нью-Йорка и постепенно осознает, что сможет быть счастлив и в Ласковой Долине. Рассказ был так хорош, что Кену не хотелось откладывать его, но после третьего прочтения осталось всего несколько минут, чтобы

одеться и идти на свидание с Сюзанной.

Встретившись с Сюзанной, Кен вернулся домой, снова просмотрел заметку Элизабет, набросал, следуя ее примеру, собственный замысел, сел за печатную машинку – и... В мозгу словно тормоз какой срабатывал.

«Только первая фраза, – повторял он про себя, – напиши что-нибудь, а дальше дело пойдет само собой».

Бесполезно. Ум отказывался сосредоточиться на сочинении. Кен снова стал думать о вечере с Сюзанной. Сначала все было чудесно. Выяснилось, что друзья Сюзанны не смогут прийти на ужин. Они поели вдвоем в кафе «Бокс три». Потом встретились с компанией Сюзанны у кинотеатра «Плаза», купили билеты и вошли в почти пустой зал. Сначала Кен подумал – это потому, что день не выходной, вечер вторника, но, посмотрев несколько минут, изменил свое мнение. Фильм был не похож на все, что он когда-либо видел. Во-первых, шел он на шведском языке. Правда, с титрами, Кен обрадовался было, но белые буквы практически сливались с экраном, он не успевал прочесть их. Но если и успевал – не находил в них ни капли смысла. Вообще ничего – ни действия, ни реплики героев не имели смысла. Один герой все время скакал куда-то верхом на лошади либо играл в шахматы с другим героем. Потом появились другие персонажи, и началась какая-то бестолковая суэта. Потом, как чертик из табакерки, выскочил священник, а в конце все пустились в пляс. Через час Кену уже приходилось прилагать титаниче-

ские усилия, чтобы не заснуть.

Когда фильм наконец кончился, Кен был уверен, что Сюзанна и ее друзья посмеются и признаются, что безумно скушали. Но лица у них были до крайности серьезные, все молчали. А позже, в пиццерии «Гвидо», они наперебой восхищались фильмом. Сперва Кен принял их восторги за шутку, но быстро понял свою ошибку: говорили абсолютно серьезно. Они обсуждали каждый кадр картины с неподдельным жаром, будто ничего важнее в жизни нет. Кен помалкивал, жевал пиццу и надеялся, что его ни о чем не спросят. Временами на него накатывало неприятное чувство: казалось, Сюзанна стыдится его. С этими людьми у Кена не было ничего общего.

Там была парочка, Аллан Партридж и Мег Уинтерс, из выпускного класса, но Кен знал их только по именам. Другого парня, Пола Ларшези, Кен узнал, потому что тот играл во многих спектаклях театра Ласковой Долины; еще с ними был Марк Эндриус.

Марк учился на кинематографическом факультете колледжа Ласковой Долины. Он был очень худ, с длинными черными волосами и пронизывающим взглядом темных глаз. Все ловили каждое слово Марка. Кен не преминул отметить, что студент из кожи вон лезет, чтобы произвести впечатление на Сюзанну. И хуже всего – старался Марк, видимо, не зря.

Компания перешла к сравнению «Седьмой печати» с дру-

гими фильмами Бергмана. Марк наконец повернулся к Кену. До тех пор он весь вечер будто не замечал его присутствия.

– Ты, похоже, скучаешь, – сухо обратился он к Кену.

– Нет, – ответил Кен, стараясь казаться умным. – Все это здорово интересно, но я раньше не видел этого фильма. Кто такой Ингрид Бергман?

Все уставились на Кена, точно он с луны свалился. После долгой паузы Сюзанна отчеканила:

– Ингмар Бергман, Кен, – режиссер. Ингрид Бергман – актриса. Она в этом фильме не играет.

Марк снисходительно взглянул на Кена. Но в глазах его Кен прочел самое настоящее презрение.

– Ничего, Кен. Обычная ошибка. Их имена, и правда, легко перепутать.

Все засмеялись, Кен тоже. Понемногу досада на себя – надо же, проявить себя полным кретином! – стала проходить. Он украдкой глянул на Сюзанну, но по ее лицу ничего нельзя было понять.

Кен попытался поправиться:

– За всеми фильмами не уследишь. Хороших так много...

Марк вновь снисходительно взглянул на него.

– Не знаю, какие фильмы смотришь ты, – холодно сказал он. – Лично я за последние пять лет не видел ни одного достойного упоминания фильма.

– В самом деле? – простодушно спросил Кен. – Может, ты неправильно выбираешь?

– Может быть, – вздохнул Марк.

По тону студента Кен понял, что опять сморозил глупость. Марк держался невозмутимо. С минуту он изучал Кена.

– Сюзанна говорила, ты играешь в футбольной команде Ласковой Долины?

– Играю, – ответил Кен.

Ему казалось – на него снова и снова нападают и он вынужден обороняться.

– Это, надо полагать, весьма занимательно. – Марк оглядел компанию, как будто сказал что-то остроумное.

Кен понял, что Марк издевается над ним и приготовился защищаться, но вмешалась Сюзанна:

– Но Кен не придает этому особого значения. Он играет просто, чтобы поддерживать форму.

Кен заерзал на стуле. На самом деле футбол имел для него огромное значение. Он немного рассердился на Сюзанну: ей не следовало так легко говорить об этом. Но Кен знал, что не сможет, не показавшись болваном, объяснить этим людям свое отношение к футболу. Он не стал связываться, и разговор постепенно перешел на другую тему.

Потом Кен отвез Сюзанну домой. Когда он припарковал машину перед ее домом, Сюзанна спросила, понравился ли ему вечер.

– Мы с твоими друзьями не очень-то подходим друг другу, – ответил он. – Я в этих вещах – фильмах, искусстве и так далее – полный профан. Может, твой отец прав. Может,

я просто тупой качок.

– Не глупи, – сказала она. – Ты не тупой. Просто твой кругозор несколько ограничен. В этом все дело. Мои друзья не умнее тебя. Но они видели много действительно прекрасных фильмов. Ну что ж, через два месяца, пари держу, ты не хуже их будешь разбираться в Бергмане. Смотри, как ты взялся за Моцарта! Просто нужно время, Кен.

Кен хотел было протестовать, сказать, что не собирается больше смотреть Бергмана, с него хватит и тех фильмов, к которым он привык и которые доставляют ему удовольствие, что на самом деле он вовсе не полюбил Моцарта. Но Сюзанна повернула его голову к себе и страстно поцеловала. И с ее поцелуем канули все неприятные впечатления этого вечера. А минутой позже Сюзанна вошла в дом, а Кен поехал домой, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

Но теперь все по-другому. Половина третьего утра, через несколько часов надо сдавать сочинение. Если Кен не сдаст его, он завалит английский и его выгонят из команды. А когда это случится – что подумает о нем Сюзанна? Будет ли она по-прежнему любить его? Кен знал ответ почти наверняка. Когда все это произойдет, Сюзанна уйдет от него – какие бы признания ни делала она ему сейчас.

Он взглянул на листки Элизабет. Она пишет так легко, ради удовольствия, ей это ничего не стоит. Никто не заставляет ее, ей не надо сдавать сочинение. Она никому не показывала свои рассказы. Если бы только лежащая на столе рукопись

принадлежала ему, а не Элизабет, все было бы в порядке. Если бы только на титульном листе стояло – Кен Мэтьюз...

В голове у Кена начал складываться план. Элизабет сама сказала, что никому не показывала свой рассказ. От Кена требуется только взять его и внести маленькое исправление. Просто заменить Элизабет Уэйкфилд на Кена Мэтьюза. Никто никогда не догадается, что автор не он.

Нет. Не годится. Если Элизабет все-таки узнает, она придет в ярость. И потом, она несколько раз повторила, что не хочет никому показывать свою работу.

«Но ведь это будет уже не ее работа. Она даже не узнает. Никто не узнает. Просто сочинение по английскому. Никто, кроме мистера Коллинза, не увидит его».

Кен взглянул на чистый лист в машинке. Медленно положил пальцы на клавиши, напечатал – «Новичок», вернул каретку назад и напечатал следующую строчку – «Рассказ Кена Мэтьюза». Вынул листок из машинки, подержал в руках. Потом заменил им титульный лист в рассказе Элизабет, аккуратно положил бумаги в папку и стал раздеваться.

Любопытно. Только что глаза у него буквально слипались, а теперь он почему-то не мог уснуть. Он задремал не раньше половины четвертого, и прошло, казалось, всего несколько минут, а радиочасы уже разбудили его.

Кен встал, подошел к окну. День обещал быть чудесным. Светило солнце, пели птицы, зеленела свежая трава. Но, взяв папку с рассказом Элизабет, Кен почувствовал себя так

скверно, как никогда в жизни.

8

Джессика сидела, привалившись к дверце красного «фита» близнецов, и яростно барабанила пальцами по лежащему на коленях блокноту. Потом она сердито повернулась к Лиле Фаулер, зажатой между сестрами на маленьком откидном сиденье.

– Не могу поверить! – восклицала Джессика. – Просто не могу поверить!

Лиля пригладила волосы, приподняла брови:

– Не знаю, что тебя разобрало. Подумаешь, большое дело.

– «Подумаешь»! – завопила Джессика. – Ты, ты моя правая рука в подготовке пикника, заявляешь, что на следующей неделе отбываешь в Нью-Йорк. И это называется «подумаешь»?! Что же тогда – не «подумаешь»?

– Успокойся, Джес, – сказала Элизабет.

Они въехали на стоянку перед школой.

– Лиля не виновата – тетя пригласила ее в гости.

– Но, Лиз, ты прямо как слепая. Она едет не из-за тети: ей приспичило закупить себе новых тряпок.

Лиля порылась в сумочке, вытащила щетку и принялась расчесывать светло-каштановые волосы.

– Нечего злиться, Джессика Уэйкфилд. Ты бы тоже не упустила такой случай.

– Ничего подобного, – горячо возразила Джессика. – Ни

за что, если бы лучшая подруга рассчитывала на меня.

Элизабет остановила машину и выключила мотор.

– Ну-ну, Джес. До пятницы Лила в твоём распоряжении. До пикника останется еще целая неделя. А до отъезда Лила поможет тебе со всякими мелочами.

– Вообще-то, – спокойно вмешалась Лила, – мне многое нужно приготовить к поездке. Боюсь, времени будет в обрез.

– Лила Фаулер! – завизжала Джессика. – Я никогда, никогда больше, сколько бы ни прожила, не посмотрю в твою сторону!

Элизабет вышла из машины, следом за ней Лила. Джессика вылезла последней, хлопнув дверью, что заставило Элизабет поморщиться, и быстро пошла через стоянку к школе. Лила за ней, пытаясь объяснить.

Элизабет улыбалась. Она знала, что Джессике вполне по силам самостоятельно организовать пикник, а через неделю после Лилиного возвращения из Нью-Йорка они снова станут закадычными подругами.

Кен припарковал машину, выключил двигатель. Протер глаза. Точно целую неделю не спал. Даже хуже. Голова начала болеть. Кену не удалось избавиться от противного чувства, охватившего его ночью. Но раскаиваться поздно. Он принял решение, все должно пройти успешно. И само собой разумеется, он не допустит, чтобы кто-нибудь узнал об этом.

Кто-то окликнул его по имени. Обернувшись, Кен увидел Элизабет Уэйкфилд, направляющуюся прямо к нему. При

взгляде на девушку Кену стало еще хуже, ему тут же захотелось убежать и спрятаться. Но было поздно.

Элизабет снова окликнула его и помахала рукой.

– Я надеялась повидать тебя перед первым уроком, – весело сказала она. – Умираю от желания узнать, что у тебя вышло с рассказом.

Кен понятия не имел, что ей ответить, и пробормотал нечто нечленораздельное. Элизабет рассмеялась:

– Очнись, Кен. Я о твоём рассказе. Ты доволен им?

Кен инстинктивно крепче прижал к себе папку. Как будто Элизабет могла разглядеть, что в ней лежит.

– Да-да, в общем доволен.

Элизабет помахала рукой пробежавшему мимо Брюсу Пэтмену и вновь повернулась к Кену:

– Не терпится почитать. О чем же ты написал?

Кен запаниковал. Он не мог придумать ответа.

– Ну... неловко как-то говорить, – запинаясь сказал он. – Я лучше потом дам тебе почитать. Ты понимаешь меня?

– Еще бы, конечно. – Элизабет понимающе улыбнулась ему. – Кстати, ты не захватил мои бумаги? Не подумай, я доверяю тебе, но это у меня единственный экземпляр.

Кен почувствовал – сейчас он во всем признается Элизабет, отдаст ей рассказ, а с мистером Коллинзом – будь что будет. Он знал, что потеряет Сюзанну, что подведет команду, но не мог предать Элизабет. Она была так доверчива. Он взялся за папку, глубоко вздохнул.

Но внезапно к ним подскочила Джессика. Лицо ее пылало, она была просто в бешенстве.

– Не могу поверить! Лила Фаулер... – бушевала Джессика. – Я в ярости! В ярости!

Элизабет повернулась к Кену и пояснила:

– Лила только что подложила Джессике большую свинью. Она на следующей неделе собирается в Нью-Йорк навестить тетю и не сможет помочь с пикником.

Джессика все неистовствовала:

– Я никогда больше не буду с ней разговаривать! Клянусь, никогда!

– Полегче, Джес, – пыталась уговорить Элизабет свою темпераментную сестричку. – Все утрясется.

– Я торчи тут, в этом жалком городишке, а она в Нью-Йорк намылилась, Блумингдэйл скупать! – возмущалась Джессика. – Взяла и свалила все на меня!

Элизабет подумала было урезонить сестру. Но она знала – это напрасный труд. Когда Джессика в таком состоянии – надо просто дать ей остыть.

– Все! – разорвалась Джессика. – Украшения, еду, музыку... – Она вдруг запнулась, а потом завопила: – О Боже! Музыка! Я обещала Дане заехать к ней вчера и забыла. Может, удастся поймать ее сейчас. – Джессика повернулась к Кену: – Но ты ведь будешь сидеть в кабинке для поцелуев, да, Кен? Мы рассчитываем на тебя.

«Она рассчитывает на меня, – с горечью сказал себе Кен. –

Все и во всем рассчитывают на меня. – Он посмотрел на близнецов. – Нет, я не скажу Элизабет правды. Я выполню свой план и буду надеяться, что это сойдет мне с рук».

– Посижу, – пробормотал он. – Нет проблем.

– Великолепно, – с облегчением вздохнула Джессика. – Хоть тут без обломов. А то чего лучше – посадить в кабинку для поцелуев какого-нибудь Уинстона Эгберта, собрали бы кучу денег, пару долларов, не меньше.

– Ладно, заметано. – Кен повернулся к Элизабет, но, стараясь не смотреть ей в глаза, уставился в землю.

– Да, Лиз, о твоих бумагах. Они мне очень помогли, но я их оставил дома. Обещаю, что верну тебе твой рассказ в целостности и сохранности.

– Ничего, Кен, – сказала Элизабет. – Не беспокойся. Ты сегодня собираешься на поэтический вечер?

Кен молча кивнул.

– Ну и хорошо, – улыбнулась Элизабет. – Там и увидимся.

– Ладно, – опять кивнул Кен. – А теперь мне надо идти, а то опоздаю. Пока. – Он поспешно отошел, чувствуя себя вором, удирающим с добычей.

Элизабет проводила Кена глазами. Она гордилась им. Шутка ли – писать, когда давят со всех сторон.

– Ну, – обратилась она к сестре, – похоже, все улаживается. Кен дописал рассказ. Я уверена, что теперь ему разрешат играть.

Они поднимались по лестнице к парадному входу в шко-

лу.

– Не знаю, чего все так суетятся из-за этого дурацкого матча, – заявила Джессика. – Точно матч – главная часть праздника. Но ведь главное – пикник. Правда, похоже, мне все придется делать самой...

Элизабет знала, к чему клонит сестренка. Джессика уже три раза просила ее помочь принимать гостей на пикнике, и три раза Элизабет отвечала, что не сможет. Она будет писать для «Оракула» статью о праздновании столетия города, и – это давно решено – ей необходимо присутствовать на матче.

– Джес, я уже говорила тебе...

– Знаю-знаю, тебе надо писать очередную статью в жалкую захолустную газетенку. У тебя один «Оракул» в голове, Лиз. Даже когда речь идет о жизни и смерти твоей сестры.

Элизабет остановилась и заглянула ей в лицо:

– Ну при чем тут жизнь и смерть, Джес?

– Ах так! – отпарировала Джессика. – Самое важное событие – и все на моих плечах! Я никогда больше не буду разговаривать с Лилой, никогда в жизни. Разве только... – в голосе Джессики зазвучали иные нотки, как будто ее вдруг осенила новая идея: —... тот джемпер, что я видела в журнале... В Нью-Йорке его наверняка можно купить. Пожалуй, если Лила там будет, она могла бы...

Элизабет усмехнулась переменчивости сестры. Джессика непреклонна лишь до тех пор, пока ей что-нибудь не понадобится от провинившегося.

– Но ты только попросишь Лилу купить джемпер – и все?
Больше ни единого слова, Никогда, по гроб жизни?

– Никогда! – заявила Джессика. Элизабет расхохоталась.

Литературный вечер проходил в небольшой обшитой деревянными панелями библиотеке. С волнением ожидая своей очереди читать, Элизабет оглядывалась вокруг. В комнате находилось человек двадцать пять; сиденья были расположены тремя полукруглыми рядами, в центре – маленькая сцена. Элизабет порадовалась, что Сюзанне удалось собрать столько народу, но, скорее всего, объяснялось это довольно просто – в среду вечером больше некуда было податься.

В самом деле, с большинством собравшихся Элизабет вообще не дружила. Все они учились в их школе, но были далеки от ее обычного круга. Оливия Дэвидсон, редактор отдела искусств в «Оракуле», прочла короткое красивое стихотворение о своем дедушке. Уинстон Эгберг, всем на удивление, выдал целый цикл ужасно забавных стишков. Прочие выступавшие, по мнению Элизабет, оставляли желать лучшего. Один парень, темноволосый выпускник Тед Дженсон, прочел до крайности мелодраматическую новеллу о гибели белки. Элизабет стоило немалых усилий не захихикать. Вслед за Тедом выступала другая старшеклассница, Джоанн Шривз. Она была одета во все черное и декламировала поэму о духе женщины по имени Дафна, убитой собственным мужем.

– Дафна тосковала, – напыщенно читала Джоанн, – а мир вокруг нее был как ярко-красное яблоко с надрезом, в кото-

ром видны семечки, напоминающие слезы. И слезы падали на иссохшую почву ее мечтаний...

Элизабет улыбнулась и отвела глаза. Взгляд ее забегал по комнате. Кен и Сюзанна сидели рядом в противоположном конце полукруга. По виду Кена можно было догадаться, что он целиком разделяет мнение Элизабет о поэме. На лице его застыло выражение смущения и скуки одновременно. Элизабет порадовалась, что не встретила с ним глазами, а то они оба не выдержали бы и расхохотались. Однако Сюзанна слушала внимательно, даже рот у нее приоткрылся, она ловила каждое слово Джоанн и несколько раз кивнула в такт чтению.

Втайне Элизабет волновалась за них обоих, особенно за Кена. Он, видимо, сильно увлекся Сюзанной, и она вроде бы отвечала тем же. Но Элизабет казалось, что Сюзанна все время пытается командовать Кеном, хочет переделать его, изменить – по ее мнению – в лучшую сторону. Элизабет боялась, что Кен совсем не замечает этого.

Внимание Элизабет вновь обратилось к Джоанн.

Девушка заканчивала чтение:

– Жизнь. Ее жизнь. Кровь. Тепло. И младенец с соской.
Солнце, солнце!

Она села на место, публика по примеру Сюзанны захлопала. Элизабет хихикнула. Конечно, Джоанн хотела выразить нечто важное для себя. Но ведь получилась-то ерунда.

– А теперь, – объявила Сюзанна, – последняя из наших

чтецов – Элизабет Уэйкфилд. Многие из вас уже знакомы с работами Элизабет по «Оракулу», но она пишет также стихи. Она согласилась прочесть одно из своих стихотворений на нашем вечере. Итак, просим, Элизабет.

Элизабет встала. Публика вежливо зааплодировала. Держа прямо перед собой листок со стихами, она начала читать. Элизабет выбрала стихотворение, написанное год назад и посвященное матери. Девушка хотела выразить, как много для нее значит мамина любовь. В комнате стало совсем тихо. Элизабет писала просто, но образы были сильными, а слова трогательными.

Когда она вернулась на место, несколько минут в комнате стояла тишина. Потом начались аплодисменты, сперва робкие, затем все более бурные и искренние. Элизабет перемигнулась с Кеном, тот, казалось, хлопал громче всех.

Вечер кончился, школьники разбились на небольшие кружки и обсуждали услышанное.

– Замечательно, Лиз, – любезно признала Сюзанна.

Они с Кеном, держась за руки, подошли к Элизабет.

– Честное слово, замечательно, – подхватил Кен. – Никогда не думал, что можно так много сказать такими простыми словами.

– Спасибо, – застенчиво поблагодарила Элизабет.

– Вечер имел успех, может быть, стоит проводить его каждый месяц, – сказала Сюзанна, оглядывая комнату. – Может, в следующий раз и Кен прочтет что-нибудь.

– Да мне в жизни не выдумать такого, – запротестовал Кен.

– Не прибедняйся, – с вызовом бросила Сюзанна. – Нужно только немного терпения. Если бы ты столько же времени тратил на сочинительство, сколько на футбол, ты создал бы нечто потрясающее.

Элизабет заметила смущение Кена. Он вдруг перестал улыбаться и притих.

«Вот иллюстрация к моим подозрениям», – отметила про себя Элизабет.

– Но ведь можно совмещать, – предложила она, пытаясь выручить Кена. – Есть много хороших поэм о спорте.

– Что ты, Лиз, – засмеялась Сюзанна. – На свете много куда более значительных тем.

«Джессика права, – подумала Элизабет, – Сюзанна и вправду просто задавака».

– Извините, я на минутку. – Сюзанна отошла от них и окликнула Джоанн: – Ты читала так вдохновенно!

Элизабет с Кеном смотрели, как она расточает хвалы Джоанн.

– Послушай, ты поняла хоть слово из этой чертовщины? – шепотом спросил Кен.

– Нет, – с улыбкой прошептала в ответ Элизабет.

– Слава богу, – с облегчением рассмеялся Кен. – А то я решил, что вконец спятил.

– У тебя сегодня, наверное, хорошее настроение? – Эли-

забет сменила тему. – Ты разделался с сочинением, и все такое...

Улыбка Кена погасла.

– Да. Все в порядке, – ответил он и смущенно забежал глазами по комнате. – Я, пожалуй, вернусь к Сюзанне.

– Конечно.

Кен кивнул Элизабет, отошел и присоединился к Сюзанне. Элизабет проводила его глазами. Неожиданная скромность Кена при разговорах о рассказе озадачивала ее. Она никогда раньше не замечала в нем такой чувствительности в отношении школьных заданий.

«Его можно понять, – размышляла Элизабет. – В конце концов, если Кен написал о чем-то личном и важном для себя, совершенно естественно его нежелание говорить на эту тему».

Но несмотря на все старания, Элизабет не удавалось отделаться от мысли, что странная реакция Кена вызвана чем-то другим.

Лиз сидела за столом в редакции «Оракула» и перечитывала материалы для последнего выпуска колонки «Глаза и уши». Почти все материалы, посвященные столетию города, уже были готовы. Элизабет казалось, что смотрится номер неплохо: интервью Джона Пфайфера с тренером Шульцем о праздничном матче; несколько заметок Пенни Айалы о городских торжествах, в том числе о пикнике и параде; статья об истории Ласковой Долины учителя истории мистера Феллоуза; рубрика «Глаза и уши»; удачная заметка Оливии Дэвидсон о новой фреске в здании почтамта – даре Генри Пэтмена в честь столетия города. Все вместе, по ее мнению, составляло один из лучших номеров газеты за все время ее существования.

На глаза Элизабет попала опечатка в первом абзаце ее рубрики, она исправила ее красной ручкой на полях. И тут в кабинет ворвалась Джессика. Казалось, она чуть не плачет. Голос ее дрожал, щеки пылали.

– Лиз, срочно нужна твоя помощь! Несчастье! Огромное несчастье! – кричала она.

Элизабет взглянула на сестру. Волосы у Джессики растрепались. Значит, в самом деле что-то серьезное.

– Что стряслось? – спросила она. Джессика рухнула на стул у стола Элизабет и выложила перед сестрой кусок бело-

го картона.

– Я только что получила афиши из типографии. Полюбуйся!

Элизабет посмотрела на афишу. На ней были изображены воздушные шары и ленты. Вся информация о школьном пикнике – дата, время, место – была написана яркими буквами на шарах. Оливия Дэвидсон нарисовала картинку, а Элизабет написала текст. Элизабет вернула афишу сестре.

– Выглядит вполне прилично, – сказала она.

Джессика округлила глаза и хлопнула по афише рукой.

– Прилично?! – заверещала она. – Дата перепутана. Должно быть третье, а на афише – четвертое. Все пропало!

Элизабет посмотрела повнимательней. На этот раз и она увидела ошибку.

– А что мешает исправить? – осведомилась она.

– Наборщик не успеет вовремя, – простонала Джессика. – Они должны быть расклеены сегодня, а то никто их не увидит.

По делам «Оракула» Элизабет часто приходилось иметь дело с Недом Фалбрайтом, владельцем типографии Ласковой Долины. Если мистер Фалбрайт допустил ошибку, он безусловно исправит ее.

– Он распорядится что-то сделать с этим, – успокоила она сестру. – В конце концов, виноват-то он, не так ли?

Уставившись в стол, Джессика нервно теребила прядь белокурых волос.

– Знаешь, я, наверное, не на тот месяц в календаре посмотрела, когда писала дату.

– О, Джес...

Джессика подняла на сестру полные слез глаза:

– Лиз, что мне делать?

Джессика плакала нечасто, и ее слезы служили для Элизабет верным знаком, что пора вмешаться. Она протянула Джессике платок и похлопала ее по руке:

– Ну ладно, успокойся, Джес.

Элизабет порылась в ящике стола и достала маленький пузырек:

– Это – штрих. Начинай замазывать неправильные даты, а сверху мы фломастером напишем исправленные.

– Но их так много, – заныла Джессика.

– Тем более, скорей принимайся за работу, – велела Элизабет, подталкивая сестру к столу, стоящему в другом конце комнаты. – Как только закончу с корректурой, присоединюсь к тебе.

– Хорошо. Спасибо, Лиз, – шмыгнула носом Джессика.

Она послушно уселась за стол и принялась исправлять дату на первой афише. Элизабет улыбнулась ей и пошла к своему столу. Но на полпути Джессика ее остановила:

– Слушай, пока будешь там сидеть, позвони на «Фрэнкли Спикинг», уточни, будет ли Джереми Фрэнк передавать нашу рекламу. Кстати, узнай, не сможет ли магазин канцтоваров доставить украшения в парк в субботу утром? Мне неко-

гда будет с ними таскаться. Ты самая замечательная сестра на свете. – И Джессика обворожительно улыбнулась.

Элизабет подумала было взбунтоваться, сказать, что у нее своих дел хватает, но не стала понапрасну тратить слов. Она пожалала плечами и вернулась к своему столу.

Джессика опять окликнула ее:

– Ничего, если я позвоню? Мне надо договориться с поставщиками провизии.

– Конечно.

Некоторое время Элизабет слушала, как Джессика по телефону обсуждает меню. Звучало впечатляюще. В конце разговора Джессика пообещала подтвердить заказ дня за два до пикника.

– Что ж, дело сделано, – сказала она, вешая трубку.

Элизабет улыбнулась про себя. Джессика действительно немало потрудилась с организацией пикника. Элизабет знала, как нелегко ее ветреной сестрице держать в голове все эти мелочи. Но, похоже, Джессика исправлялась.

– Джес...

Джессика подняла глаза от очередной афиши:

– Да?

– Я просто хочу, чтоб ты знала, – я горжусь тобой. Ты проделала огромную работу.

Джессика заулыбалась:

– Спасибо, Лиззи.

Элизабет всегда бывало приятно, когда Джессика называ-

ла ее Лиззи. Так она выражала свою привязанность только в минуты истинной близости с сестрой.

Дверь редакции «Оракула» распахнулась, и в комнату влетела Пенни Айала, главный редактор.

– Остановить номер! Не печатать пока! – вопила она. – Лиз, я нашла нечто потрясающее для праздничного выпуска.

Элизабет заметила в руках Пенни папку с бумагами.

– Что это? – спросила она. – Уинстон Эгберг хочет вновь попытаться побить мировой рекорд поедания пиццы?

– Лучше. Потрясающий рассказ и по теме как раз подходит к столетию. А написал его не кто иной, как любимец Ласковой Долины, Кен Мэтьюз.

– Кен? – изумилась Элизабет. – Шутишь?

Пенни перебирала листки бумаги.

– Ты должна прочесть, Лиз. Это просто замечательно. – Она протянула бумаги Элизабет.

Та взяла их. Сверху лежал чистый листок.

– Не терпится посмотреть. Удивительно, вот уж не думала, что Кен чем-нибудь порадует «Оракула».

– До сих пор у тебя не было оснований так думать, – сказала Пенни. – Этот рассказ он сдал как сочинение по английскому. Мистер Коллинз только что принес его мне.

– А Кен в курсе? – спросила Элизабет.

Она сама весьма щепетильно относилась к собственным произведениям, и, судя по реакции Кена на ее попытки обсудить его рассказ, Элизабет заключила, что он не менее ще-

петилен.

– Нет еще, – ответила Пенни. – Думаю, он будет приятно удивлен.

– А я не уверена, – предусмотрительно заметила Элизабет. – Лучше сначала поговорить с ним.

Пенни повернулась к двери.

– Конечно, после собрания я переговорю с ним. Если будет решено печатать рассказ, мы обсудим все с Кеном. Но я уверена – он согласится. Нам надо поспешить, пока не сверстали номер. Я для всех отксерила по экземпляру. Почти прямо сейчас, тогда сможешь составить свое мнение до собрания.

– Собрание через десять минут, верно? – уточнила Элизабет, взглянув на часы.

– Верно. Там и увидимся. – Пенни скрылась в соседнем кабинете.

Сомнения Элизабет растаяли. Кен будет гордиться столь высокой оценкой своей работы. Он приятно удивил ее – не только потому, что написал хороший рассказ и теперь ему не грозит вылететь из команды. Кен выдержал испытание перед самим собой.

Элизабет перевернула титульный лист и начала читать.

«Это какая-то ошибка», – подумала она, прочитав несколько фраз.

Не было нужды читать дальше, но она все-таки продолжала, фразу за фразой, абзац за абзацем. Нет, это не ошибка.

Это был ее рассказ!

Первой мыслью Элизабет было, что Кен как-то перепутал страницы и случайно сдал не тот рассказ. Но титульный лист сказал ей страшную правду. Там, напечатанное на чужой машинке, стояло название ее рассказа и – имя Кена. Она не верила своим глазам. Невероятно! Она не могла поверить, что Кен Мэтьюз оказался способен на такое. Он знал, как много значит для нее этот рассказ, знал и все же посмел похитить его.

Элизабет бросилась вон из кабинета. Надо найти мистера Коллинза, надо остановить их. Когда она пробежала мимо Джессики, та окликнула ее:

– Лиз, пятьдесят штук уже готовы, так что подключайся...

– Не сейчас, Джес, – бросила Элизабет.

Она побежала по коридору в комнату отдыха. Дверь ей открыл мистер Феллоуз. Элизабет спросила, здесь ли куратор «Оракула». Оказалось, мистер Коллинз ушел несколько минут назад. Значит, он уже пошел на собрание.

«Это сильно затрудняет дело», – подумала Элизабет.

Элизабет вошла в кабинет мистера Коллинза перед самым началом собрания. На столе перед каждым членом редколлегии лежала копия рассказа Кена. Все так и сияли, особенно мистер Коллинз.

Он улыбнулся Элизабет и кивнул. Она заняла свое место.

– Вот и хорошо. Все в сборе. – Мистер Коллинз окинул взглядом комнату.

Первой выступила Оливия Дэвидсон, редактор отдела искусств:

– Я прочла рассказ дважды и хочу сказать: была потрясена. Я знала, что Кен славный парень, но такого замечательного сюрприза не ожидала.

– Превосходное дополнение к номеру, – согласился Джон. – История о парнишке, впервые осматривающем Ласковую Долину, так здорово написана, что заставила меня гордиться нашим городом.

– Мы не можем напечатать рассказ, – выпалила Элизабет. – Не можем и – все.

Все посмотрели на нее как на сумасшедшую. Раздались смешки и перешептывания.

– Почему, Лиз? – обратился к ней мистер Коллинз.

Элизабет судорожно искала предлог. Она не могла сказать правду, не поговорив сперва с Кеном. Это серьезный проступок. Кена наверняка провалят по английскому, он вылетит из команды, возможно даже, его временно исключат из школы.

– Ну... – Элизабет замялась. – Мы же никогда не печатаем художественных произведений, – неуверенно закончила она.

– Правильно, – сказала Пенни, – но это специальный выпуск. – Полагаю, в нем позволительно немного отступить от правил.

– Конечно, – подхватила Оливия. – И рассказ напрямую

связан со столетием города. Я думаю, мы можем напечатать его.

– Да еще показательный матч, – добавил Джон. – Ведь Кен звезда нашей команды.

Мистер Коллинз повернулся к Элизабет:

– В самом деле, не вижу, почему бы не напечатать этот рассказ. Он тесно связан с темой номера.

Элизабет почувствовала отчаяние. Она не может позволить им напечатать рассказ. Но, взглянув на нетерпеливые, взволнованные лица вокруг, она поняла, что проиграла, она не сможет убедить их не включать рассказ в праздничный номер. Ей больше нечего сказать – во всяком случае, до разговора с Кеном. Тогда уж его дело вмешаться и отвечать за последствия.

Мистер Коллинз оглядел комнату:

– Что ж, если больше возражений нет, ставлю на голосование.

Все, сидящие за столом, кроме Элизабет, подняли руки.

Мистер Коллинз опять повернулся к ней:

– Извини, Лиз.

Элизабет вскочила и бросилась к двери. Ей срочно нужно найти Кена.

– Лиз! – окликнул мистер Коллинз.

Но Элизабет выбежала из комнаты. Медлить нельзя. Она должна заставить Кена признаться во всем. Через минуту Элизабет уже была у мужской раздевалки.

Элизабет ждала снаружи, а Эрон Даллас скрылся в раздевалке, чтобы позвать Кена. Когда подошла Элизабет, Эрон болтался в коридоре и с радостью взялся помочь ей.

Вокруг Элизабет раздавались присвистывания и поддразнивания. В нормальном состоянии она бы смутилась. Но сейчас Элизабет могла думать только о поступке Кена. Он, наверное, воображает, что все шито-крыто. Он, конечно, не ожидал, что мистер Коллинз передаст рассказ в «Оракул». Элизабет не представляла, сможет ли она когда-нибудь простить Кена.

Через минуту он вышел из раздевалки, непричесанный, с влажными волосами, рубашка не заправлена в брюки. Похоже, он только что вылез из душа. Увидев Элизабет, Кен смутился.

– Привет, – промямлил он, глядя в пол. – В чем дело?

Элизабет отвела его подальше от двери.

– Кен, я должна поговорить с тобой, лично. Немедленно, – с ударением сказала она.

Кен кивнул, как будто понял, о чем она хотела говорить.

– Конечно. Только дай мне собрать вещи. Я на секунду.

Он нырнул в раздевалку. Через несколько минут он вернулся. Волосы были приглажены, в руках он нес свои пожитки. Он повел Элизабет к скамейке у окна в коридоре. Кен не

стал ждать, пока заговорит Элизабет. Да, очевидно, он знал, зачем она пришла.

– Полагаю, ты узнала о сочинении?

С тех пор как она обнаружила, что Кен похитил ее произведение, разнообразные чувства владели Элизабет. Сначала она была поражена, ей с трудом верилось, что Кен Мэтьюз оказался способен на такое; потом разозлилась: Кен нагло использовал ее. А сейчас, при взгляде на его огорченное лицо, Элизабет испытывала странную смесь замешательства и жалости. Ей пришло в голову, что он украл ее рассказ потому, что его поставили в безвыходное положение.

– Почему, Кен? – наконец спросила она.

Кен не поднимал глаз от пола.

– Не знаю, – тихо сказал он. – Я сделал глупость, я поступил ужасно скверно, но меня приперли к стене. Я не мог написать хороший рассказ и не мог честно встретить неприятности, которые меня ждали в случае неудачи.

Элизабет печально покачала головой:

– О, Кен...

Кен взглянул на нее. Взгляд этот выдавал боль, которую он испытывал:

– Прости меня, Лиз. Мне в самом деле очень жаль. Я знаю, как много значат рассказы для тебя. Мне, ей-богу, очень стыдно. Но будь уверена, после матча... ну, я пойду к мистери Коллинзу и все ему расскажу. Я попрошу у него разрешения написать другое сочинение. Он, наверное, не пойдет на

это и завалит меня, но хоть скандала на всю школу не будет. Я знаю, все это очень скверно.

– Все гораздо хуже, – сказала Элизабет. – Я только что с собрания редколлегии «Оракула». Они хотят поместить твой рассказ в праздничном номере.

Кен недоверчиво уставился на нее.

– Да ты что! – воскликнул он.

– Именно так.

Кен молча отвернулся. Элизабет поднялась.

– Я пыталась их отговорить, но они настаивают. Они думают, рассказ очень подходит по теме к столетию города. Естественно, не переговорив с тобой, мне не хотелось открывать правду.

Кен закрыл лицо руками:

– О, Лиз, что мне делать?

В этот момент Элизабет не чувствовала гнева. Она видела, что Кен искренно сожалеет о своем поступке. Она с радостью помогла бы ему, но это было выше ее сил.

– Не знаю, в самом деле не знаю, Кен, – серьезно сказала она.

Кен встал, на лице его отразилась решимость:

– Нечего тут думать. Я должен остановить их. Должен остановить их, пока дело не зашло еще дальше.

Кен отошел от Элизабет и направился к редакции «Оракула». Элизабет страстно хотелось найти другой выход из положения. Но больше ничего не придумаешь. Кену придется

отвечать.

Несколько человек поздоровались с Кеном в коридоре, но он не отвечал. И вдруг кто-то обнял его. Это Сюзанна выросла как из-под земли и бросилась ему на шею.

– О, Кен, – возбужденно тараторила она, – я горжусь, безумно горжусь тобой.

– Сюзанна... – начал Кен.

Но она перебила его:

– Ты, похоже, не любишь хвастаться.

– Чем хвастаться? – недоуменно спросил Кен.

Сюзанна смотрела на него с сияющей улыбкой.

– Какие мы скромные! – Она отступила на шаг и скрестила руки на груди. – Я только что говорила с Оливией Дэвидсон. Она мне все рассказала – ты у нас, оказывается, чуть ли не лучший в мире новеллист. Она сказала, что твой рассказ собираются печатать в «Оракуле». И знаешь, раньше они никогда не печатали художественных произведений. О, Кен, я так горжусь тобой. Мне не терпится рассказать родителям! – И Сюзанна снова крепко обняла его.

Обычно Кен просто балдел от близости Сюзанны, но сейчас внутри была пустота. И так болела голова, а от слов Сюзанны боль усилилась. Он знал, что, пока не поздно, он должен сказать ей правду.

– Видишь ли...

Но девушка трещала без умолку:

– Знаешь, если рассказ и вправду так хорош, как все го-

ворят, мы на этом не остановимся. Совет штата по делам искусств каждый год проводит конкурс молодых писателей. И ты наверняка займешь первое место.

– Сюзанна... – Кен сделал еще одну попытку.

Она не унималась:

– Занявший первое место получает пятьсот долларов, а летом они пошлют тебя в Йель на специальный семинар.

– Йель? – тупо переспросил Кен.

– Именно, – рассмеялась Сюзанна. Она взяла Кена за руку. Пальцы их переплелись. Они вместе пошли по коридору.

– Конечно, тебе придется усиленно заниматься. Подозреваю, тебе невредно будет основательно пополнить свои знания о литературе в целом. Но, если бросишь футбол, у тебя освободится уйма времени.

Наконец до Кена стал доходить смысл предложения Сюзанны.

– Брошу футбол? – повторил он. Сюзанна усмехнулась:

– Не сразу. По крайней мере, праздничный матч ты сыграешь. Я знаю, как много он для тебя значит. Но потом ты можешь уйти из команды, у них вполне хватит времени до начала сезона найти тебе замену. Будет совсем хорошо, если ты выиграешь этот матч. Тогда ты уйдешь в зените славы.

– Ага, – ошарашенно пробормотал Кен.

Сюзанна сильнее сжала его руку.

– Нет, просто передать не могу, как я горжусь тобой. Мне безумно хочется хорошенько обсудить все новости, но, увы,

я очень спешу. – Она заглянула в глаза юноше. – Лучше тебя нет никого на свете, Кен Мэтьюз, – прошептала она. – Ты самый-самый лучший. – Она повернулась и побежала по коридору.

Внезапно Кену стало ясно, что он увяз куда глубже, чем предполагал. Сюзанна убеждена – он, автор этого рассказа. Она ужаснется, узнав истину. Он упустил возможность открыться ей. От этой мысли Кен совсем расстроился. Он рисковал, еще когда ставил свое имя на титульном листе рассказа Элизабет, и отдавал себе в этом отчет. Но он представить себе не мог, какие последствия повлечет его поступок. Дружба с Элизабет под угрозой, и на отношениях с Сюзанной наверняка отразится эта история. Из команды его погонят точно, а может, и из школы. Кен понимал, что должен как-то искупить свою вину. Но как? Сказать мистеру Коллинзу правду уже недостаточно. Он должен объясниться. Может, тогда ему полегчает.

Кен думал об этом не переставая всю дорогу из школы. Доехав до дома, он выскочил из машины и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался по лестнице наверх.

В спальне Кена было тихо. Он сел за стол, достал из ящика лист бумаги, вставил в машинку. Полчаса Кен лихорадочно размышлял. Потом зазвонил телефон. Кен снял трубку:

– Алло.

– Привет, Кен. – Звонила Сюзанна. В голосе ее слышалось радостное возбуждение. – Мы с друзьями идем на открытие

выставки, посвященной столетию города. Это в библиотеке. Я подумала, ты тоже захочешь пойти.

– Извини, Сюзанна, – ответил Кен, – но у меня много дел.

– О, Кен, – упавшим сразу голосом упрашивала Сюзанна, – ведь сегодня открытие. Будет, наверное, настоящий праздник.

Но Кен понимал, что не может встретиться с Сюзанной сегодня вечером. Ему не под силу будет притворяться веселым и довольным. И – главное! – нет времени. «Оракул» уйдет в типографию уже в понедельник утром.

– Извини, – повторил он. – Не могу.

– Неужели нельзя отложить дела? – Голос Сюзанны зазвучал почти резко. – Я уже всем сказала, что ты придешь, и потом, Кен, ведь это не простое мероприятие.

– Мне очень жаль, Сюзанна. Позвоню завтра. Ладно?

– Пока, – холодно уронила Сюзанна и бросила трубку.

Кен покачал головой и вернулся к машинке.

«Теперь будет злиться», – подумал он.

Но почему-то несколько не огорчился. Он посмотрел на чистый лист бумаги – и внезапно в голове возникла идея. Отрывочные мысли стали складываться в единое целое. Кен начал печатать. Печатал он одним пальцем, но первый лист заполнился мгновенно. Кен все стучал по клавишам. Второй лист, третий... И вскоре Кен сидел за столом и перечитывал рассказ. В нем говорилось как раз то, что он хотел сказать. Рассказ занял около пяти страничек и пестрел опечатками и

орфографическими ошибками. Но зато это был его рассказ, он сам сочинил его.

Элизабет собрала бумаги и уложила их в рюкзак. Доставлять отпечатанные на машинке листы очередного номера «Оракула» наборщику обычно входило в обязанности Пенни Айалы, но у нее сломалась машина, и Элизабет вызвалась по дороге домой заехать в типографию. Страницы были сложены в том порядке, в котором они будут напечатаны в номере, но все же превратить их в готовый выпуск «Оракула» – дело полиграфистов. Элизабет всегда с волнением наблюдала за этим волшебным превращением, но сегодня, она знала, все будет по-другому. Ведь ее рассказ – с именем Кена на титульном листе – лежал поверх стопки страниц. У Элизабет не было выбора, ей пришлось допустить печатание рассказа в газете, хотя это наверняка зачеркнет их с Кеном дружеские отношения.

После их разговора в пятницу Элизабет не сомневалась, что Кен пойдет к мистеру Коллинзу и во всем признается. Она специально долго сидела в редакции и ждала, когда куратор газеты зайдет в кабинет и велит исключить рассказ из номера. Но мистер Коллинз ничего не сказал, и рассказ по-прежнему намеревались включить в посвященный столетию города выпуск «Оракула».

Элизабет вздохнула, надела рюкзак, попрощалась с сидевшим за столом Джоном Пфайфером и покинула редакцию.

– Лиз!

Услышав свое имя, она обернулась. Кен Мэтьюз шел к ней через холл. Элизабет заметила листы бумаги у него в руке.

– Привет, – холодно поздоровалась Элизабет.

Кен осторожно огляделся вокруг.

– Подожди секунду, – мне нужно с тобой поговорить.

Элизабет запротестовала: она была уверена, что Кен опять станет извиняться. Но в эту минуту она не была расположена слушать его.

– Нет, погоди, – настаивал Кен. – У тебя есть экземпляр «Оракула», который пойдет в типографию?

– Да, – ответила Элизабет. – Он у меня с собой.

Кен прикусил губу и перевел дух.

– Лиз, а можешь ты вынуть из него свой рассказ?

«Так вот что он придумал, – сказала себе Элизабет. – Он просто хочет вынуть рассказ, хочет увильнуть: он боится осложнений».

– Нет, – отрезала она. – Для этого нужно собрание редколлегии, и ты понимаешь, что там будет?

– Понимаю, – вздохнул Кен, – но не могли бы мы все-таки убрать его и...

Элизабет прервала Кена:

– Это не дело. Нам нечем его заменить. Кроме того, возникнет слишком много вопросов.

Кен протянул ей листы бумаги, которые до сих пор крепко сжимал в руках.

– У меня есть чем заменить твой рассказ. Это снимет все вопросы.

Элизабет посмотрела на отпечатанные на машинке странички:

– Что это?

Кен улыбнулся:

– Все жаждут прочесть рассказ Кена Мэтьюза. Они его и получают. – Он постучал пальцем по первой странице, которая гласила: ««Вне игры». Рассказ Кена Мэтьюза», и добавил: – Я работал над ним все выходные.

Элизабет печально посмотрела на него:

– Не пройдет, Кен. Меня спросят, почему я заменила рассказ.

– Ничего не спросят. Прочти, ладно? – Кен опустился на скамейку.

– Кен, – протестовала Элизабет, усаживаясь рядом с ним. – Я не представляю...

– Прочти.

Элизабет вздохнула и начала читать. Она переворачивала страницу за страницей – и постепенно гнев и печаль исчезали. Она чувствовала себя по-прежнему скверно, но теперь она жалела не себя, она тревожилась за Кена. Рассказ очень хорош, но содержание его произведет впечатление разорвавшейся бомбы.

Дочитав, она взглянула на Кена. Он смотрел на нее и ждал.

– Ты уверен, что хочешь напечатать это в газете?

– Да, – решительно ответил Кен. Элизабет взяла Кена за руку и заглянула ему в глаза.

– А ты подумал, какой шум поднимется? Все узнают и...

– Понимаю, – спокойно сказал Кен. – Я обо всем подумал, Лиз, хорошо подумал. Но мне мало признаться во всем мистеру Коллинзу; я должен как-то искупить это. Я должен, Лиз.

– Ты не должен делать это ради меня, – искренно сказала Элизабет.

– Не ради тебя, Лиз, – улыбнулся Кен. – Ради себя самого.

И снова Элизабет внимательно взглянула на него, чтобы убедиться, правду ли он говорит. А потом поднялась и положила бумаги Кена в рюкзак.

– Кен, – сказала она, – хочу, чтобы ты знал: я никогда не была свидетелем более смелого поступка.

Кен улыбнулся своей мальчишеской улыбкой:

– Ну, может, очень смелого, а может, очень глупого. Ты лучше иди, пока я не решил, что все-таки это глупость.

Элизабет посмотрела на часы. Если она не поторопится, то опоздает передать «Оракул» мистеру Фалбрайту. Она быстро попрощалась с Кеном и заспешила к выходу.

По дороге к машине она наткнулась на Джессику. Сестра ее сидела на ступеньке лестницы перед входом в школу, поглощенная беседой с Уинстоном Эгбертом, школьным шутком. Обычно Уинстон вообще не существовал для Джессики. Но сейчас она была вся внимание. Элизабет сообразила,

что сестре, вероятно, что-то нужно от парня. В таких случаях Джессика становилась слаще меда.

– Приветик, – окликнула Элизабет, подходя к ним. – Все трудимся?

– Представляешь, – затараторила Джессика – Уинстон согласился позаботиться об украшениях, мы обсуждаем кое-какие задумки. Мы решили украсить деревья вокруг поляны красными, белыми и синими лентами, повесить огромный флаг и написать на нем: «Ласковой Долине штата Калифорния – сто лет!» Ничего звучит, а?

– Отлично, – честно признала Элизабет.

– А еще, – заговорил Уинстон, голос его слегка дрожал, – я предложил сделать большую модель компьютера из папиросной бумаги и проволоки и поставить на эстраде. В честь нашего основного производства, понимаешь? Но Джес считает, что это уже слишком.

– Верно, – отозвалась Элизабет, – за всем не угонишься. А с лентами и флагом получится здорово.

– А ты думала, – самодовольно согласилась Джессика.

Уинстон кивнул.

– Да, будет здорово, – поддакнул он, очевидно, желая угодить Джессике.

– Ладно, я побегу, а то не успею отдать «Оракула» в типографию.

Этим номером школьной газеты Элизабет особенно дорожила.

Элизабет в одиночестве сидела в кафетерии и просматривала праздничный номер «Оракула», вышедший утром. В номере было много интересного: заметки о праздновании столетия города; статьи об истории Ласковой Долины; рекламные объявления, например реклама «Дэйри Берджер», предлагавшая горячие бутерброды, жаркое и прохладительные напитки по доллару за порцию. Есть что почитать и о чем поговорить. Но Элизабет оглядывалась на посетителей кафетерия, и ей казалось, что все говорят об одном – о Кене Мэтьюзе. Теперь все знали правду и все заключали пари – чем это может кончиться.

– Его временно исключат, – услышала Элизабет слова одной девушки. – Вопрос уже решен.

– Нет, – ответил юноша. – Держу пари, в субботу ему дадут сыграть, а уж потом исключат.

Неожиданно перед Элизабет очутилась Джессика. И с размаху шлепнулась на стул. Она размахивала номером «Оракула».

– Лиз! Лиз! Ты видела? – верещала Джессика.

Элизабет неторопливо отпила глоток молока.

– Джес, – сухо сказала она, – я вхожу в редколлегию «Оракула» и, как правило, читаю его.

– Нет. – Джессика ткнула пальцем в страницу. – Я об этом

говорю! О рассказе Кена Мэтьюза.

– Конечно, я читала. И что же?

Джессика вытаращила на сестру глаза, как будто перед ней сидела инопланетянка.

– Это же скандал! Ты только послушай. – Она начала громко читать конец рассказа:

«Он всю жизнь прожил в убеждении, что все его поступки безупречны, поэтому так легко ему было обосновать для себя необходимость украсть рассказ. Но постепенно до него стало доходить, что одна ложь влечет за собой другую и, если не остановиться, вся жизнь может пройти во лжи».

Джессика отложила газету и повернулась к сестре:

– Кошмар, правда?

– Не вижу ничего кошмарного. – Элизабет надеялась, что голос ее звучит естественно. – Написано очень хорошо.

– Не темни, Лиз, – возразила Джессика. – Все знают – Кен написал рассказ о себе самом. Все знают – в «Оракуле» собирались печатать совсем другой рассказ, а в последний момент Кен подменил его. Вот так.

– Ох, Джес, – ответила Элизабет, стараясь, чтоб выражение лица не выдало ее, – пусть кто-то написал вещь, которая очень похожа на правду, это вовсе не значит, что так оно все и было в действительности. Ведь не все авторы детективов следователи.

– Ах так! – усмехнулась Джессика. – Ладно, тогда почему Кена вызвали с тренировки в кабинет Блестящего Котелка? –

спросила она.

Блестящий Котелок было прозвищем директора школы Ласковой Долины.

Элизабет выпрямилась:

– Когда?

Джессика перегнулась через стол и глотнула молока из стакана сестры.

– Только что. Мне сказал Рикки Капальдо. Он думает, Кена выгонят из школы.

– Нет! – охнула Элизабет.

– Так говорят.

Элизабет встала и начала собирать книги.

– Не может быть, – быстро проговорила она. – Я пойду скажу им.

– Что скажешь?

– Извини, Джес, – бросила Элизабет сестре, убегая. – После поболтаем, а сейчас надо действовать.

Она выбежала из буфета и кинулась к кабинету мистера Купера.

Увидев Кена, сидевшего в ожидании в комнатке рядом с кабинетом директора, Элизабет вздохнула с облегчением. Кен сидел на стуле, обхватив руками колени, с виду совсем обессиленный. Когда Элизабет вошла в комнату, он поднял глаза.

– Привет, – устало улыбнулся он. – Пришла протянуть стакан воды умирающему?

Элизабет села рядом:

– Послушай, Кен, может, еще пронесет?

Кен откинул голову.

– Я уже подумываю об армии, но боюсь, предки не согласятся.

– Нет, – сказала Элизабет. – Я найду вместе с тобой и скажу, что помогала тебе с первым рассказом, но потом мы решили, что второй лучше. Они поверят мне.

Кен снова взглянул на девушку и похлопал ее по руке.

– Нет, Лиз. Это очень мило с твоей стороны, но все равно – нет. Я все обдумал. Они наверняка провалят меня по английскому, и играть я, конечно, не буду. Но поверь, я чувствую себя отлично. Неважно, чем это кончится. Я знаю, что поступил правильно.

С минуту Элизабет смотрела на Кена. Она видела – он принял решение, и понимала, что он прав. Громоздить ложь на ложь – это не привело бы ни к чему хорошему. Рано или поздно правда выплывет наружу, и Кену будет только хуже.

Из кабинета директора показалась секретарша мистера Купера:

– Кен, мистер Купер зовет тебя.

Кен улыбнулся, встал и прошептал, повернувшись к Элизабет:

– Пожелай мне удачи.

Кен глубоко вздохнул и скрылся в кабинете. Элизабет проводила его взглядом.

Кену не случилось присутствовать на процессах об убийстве в день вынесения приговора, но он представлял себе это именно так. Внутри у него все так напряглось, что трудно стало дышать.

Мистер Коллинз и тренер Шульц сидели на диванчике у стены комнаты; мистер Купер с видом верховного судьи восседал за своим письменным столом.

– Здравствуй, Кен, – спокойно произнес он. – Садись, пожалуйста.

Кен сел. Все помолчали с минуту. Мистер Коллинз изучал лежавший перед ним номер «Оракула». Он открыл его на рассказе Кена. Кен усмехнулся, заметив, как блестит в солнечных лучах лысая голова директора. Что ни говори, Блестящий Котелок – на редкость удачное прозвище.

Мистер Купер постучал по газете карандашом и поднял глаза на Кена.

– Этот рассказ вызвал у нас некоторые вопросы, Кен, серьезные вопросы, и мы хотели бы задать их тебе.

Мистер Коллинз со своего диванчика тоже подал голос:
– Я понимаю, писатель имеет право на вымысел. Но ведь что-то в твоём рассказе соответствует действительности? Что именно? И насколько?

Кен огляделся, помедлил секунду, набираясь храбрости.

– Все, – тихо ответил он. – Все правда.

В комнате наступила мертвая тишина.

– Понимаю, – торжественно произнес наконец мистер Ку-

пер.

– Нет, не понимаете, – заговорил Кен.

Все взглянули на него немного удивленно. Но больше всех удивился сам Кен. Он не собирался говорить, слова эти вырвались у него непроизвольно.

– По крайней мере, не все понимаете. Первый рассказ написала Элизабет Уэйкфилд. Она не подозревала, что я украду его. Она мне его дала как образец. Но потом все так сложилось... У меня никак не получалось написать рассказ к сроку. Я совсем одурел, потому что все на меня наезжали. Ну... с матчем и так далее. Я запаниковал и поставил свое имя на рассказе Элизабет. – Кен приостановился, пытаюсь прочесть свою участь по лицу директора, но застывшая физиономия мистера Купера была непроницаемой. – Мне очень жаль. Но я понимаю, что мои сожаления ничего не значат, и готов понести любое наказание, которое вы сочтете нужным. Но я хотел, чтобы вы поняли.

И опять в комнате воцарилась тишина. Кен видел, что мистер Коллинз и тренер нервно заерзали на диванчике. А потом мистер Купер поднялся, вышел из-за стола.

– Дело очень серьезное, – начал он. – Мне тоже очень жаль. Жаль, что ты украл рассказ, но еще больше жаль, что ты счел это необходимым. Но дело сделано. Теперь вопрос стоит так – что делать дальше? – Директор замолчал и прошелся по кабинету.

Он остановился перед Кеном и решительно продолжал:

– Вообще-то, следовало поставить тебе неудовлетворительную оценку по английскому и исключить на три дня. – Он опять остановился, присел на край стола. – Однако, – добавил он, – были смягчающие обстоятельства.

Впервые у Кена появился слабый проблеск надежды. Он обернулся и посмотрел на тренера Шульца, но тот ничем не поддержал его. Из всех замешанных в этом деле людей Кен сильнее всего подвел тренера. Для Кена дело могло кончиться неудовлетворительной оценкой, а для тренера Шульца это означало проигранный матч с «Пумами».

Директор продолжал:

– На всех нас произвело благоприятное впечатление твое откровенное признание, мы рады, что ты осознал свою ошибку, осознал, что крайне некрасиво было украсть чужое произведение. Мне жаль, что ты поступил нечестно, но я рад, что в конце концов ты сказал правду. Ты не просто откровенно признался, ты повел себя как смелый человек. А смелость заслуживает награды. Мы поступим следующим образом: второй рассказ написан очень хорошо, сдай ты его вовремя, он наверняка был бы оценен высшим баллом. Мистер Коллинз готов зачесть тебе этот рассказ, но отметка будет только «удовлетворительно». Уверен, ты понимаешь почему. Таким образом, ты получаешь проходной балл и можешь участвовать в субботнем матче.

Кен словно оцепенел. Все смотрели на него, очевидно, ожидая изъявлений благодарности, но он лишился дара ре-

чи. Он пришел сюда, ожидая худшего, он и надеяться не смел на такой исход.

Мистер Коллинз встал с дивана и подошел к Кену.

– Кен, по твоему рассказу видно, что у тебя большие способности, ты можешь писать. Надеюсь, в дальнейшем ты будешь уделять этому немного больше внимания. – Он улыбнулся, протянул руку и прибавил: – В свободное от тренировок время. – И подмигнул Кену.

Кен широко улыбнулся и пожал протянутую руку.

– Обещаю, – сказал он.

Тренер подошел к ним и похлопал Кена по плечу.

– А теперь переоденься – и марш на поле. До конца дневной тренировки еще полчаса.

Кен почти выбежал из кабинета. Он ног под собой не чувал от радости. К сожалению, Элизабет уже ушла. Ему хотелось с ней первой поделиться своими замечательными новостями.

Кен вышел из комнаты рядом с кабинетом директора и сразу же наткнулся на появившуюся из-за угла Сюзанну. Он окликнул ее, но девушка не остановилась. Кен побежал за ней. У него было превосходное настроение, хотелось со всеми разделить его. Кен догнал Сюзанну, закружил на месте:

– Сюзанна, мне надо что-то сказать тебе...

Она отстранилась и ледяным тоном отрезала:

– По-моему, нам не о чем говорить.

– Но... – начал ошеломленный Кен.

– Ты унизил меня перед друзьями, – прервав его, проши-

пела она. – А я-то хвасталась тобой перед всеми. А ты, ты обыкновенный воришка. Ты сделал меня посмешищем всей школы. Никогда еще мне не было так стыдно. Мой отец абсолютно прав, во всем!

– Сюзанна, ты не понимаешь...

– Я прекрасно понимаю, – перебила она, – прекрасно понимаю, что не желаю больше иметь с тобой ничего общего, никогда, до самой смерти.

– Сюзанна! – окликнул ее Кен.

Но она побежала прочь от него по коридору и даже не оглянулась. Кен чувствовал себя так, будто налетел ураган и сбил его с ног.

Так вот каково общее мнение. Кен был настолько счастлив пониманием мистера Купера, мистера Коллинза и тренера Шульца, что думать забыл об остальных. А для них он просто вор. В своем рассказе он хотел объяснить, как легко влипнуть в подобную историю. Но по реакции Сюзанны понял, что все его усилия пропали даром, его не услышали.

Понурился, Кен поплелся в раздевалку. С облегчением он убедился, что комната пуста. С тяжестью на душе он начал переодеваться.

Кен вышел на поле, подошел к скамье запасных. Светило яркое солнце. Игроки бегали по полю, но при виде Кена все застыли как мертвые. На него повеяло холодом. Он не сомневался – товарищи по команде тоже осуждают его. Дело ясное, они согласны с Сюзанной, они тоже никогда больше

не поверят ему.

Но ребята вдруг разразились криками «ура!» и бросились к Кену. Они хлопали его по спине и тискали в объятиях, все орали сразу, все приветствовали его как героя.

Наконец вперед выступил Скотт Трост и велел остальным умолкнуть.

– Слушайте все! – закричал он.

Вопли смолкли.

– Кен, мы тут толковали об этом случае. И, ну, мы все совершаем ошибку, даже я. – Вокруг загикали, засвистели. – Но чтобы повести себя, как повел ты, надо иметь действительно сильный характер. Мы гордимся, что ты член нашей команды, Мэтьюз.

Снова раздались крики «ура!». Печаль Кена потонула в этих волнах доброжелательности.

– А если ты будешь продолжать в том же духе, – прорвался сквозь крики голос Скотта, – если ты на защиту «Пум» набросишься, как набросился на пишущую машинку, тогда мы их просто разжует и выплюнем.

Кен уже не слышал приветственных возгласов. Он думал: «Я вернулся. Слова Сюзанны – чепуха».

Впервые за много дней Кен чувствовал себя дома. Он вернулся в родной дом, к людям, которые ждали его.

Элизабет открыла окно спальни и выглянула на улицу. В Ласковой Долине начинался прекрасный день. Светило солнце, в воздухе было разлито благоухание, и дул легкий ветерок. Погода – само совершенство, как раз для празднования столетия города. «Денек прямо как по заказу, нарочно не придумаешь», – подумала Элизабет.

Элизабет, освещавшей праздник для «Оракула», предстояло сегодня множество дел. Сначала она собиралась на парад в деловой части города, им откроется торжество. Затем предполагала посмотреть, как будут сняты покровы с фрески, которую подарил городу отец Брюса, как художник нанесет на нее последние мазки. Потом планировала заглянуть на прием к Лайонелу Ховарду: месяцем раньше ему исполнилось 100 лет, 75 из них он прожил в Ласковой Долине. В два часа футбольный матч и, наконец, школьный пикник.

Элизабет с трудом сдерживала возбуждение. День обещал быть замечательным.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Джессика. Похоже, у нее опять что-то стряслось.

– Лиз, у тебя есть деньги? – спросила она.

– Предположим, – осторожно ответила Элизабет. – А зачем?

Джессика схватила Элизабет за руки и потащила к крова-

ти. Они сели.

– Дай мне займы – мне надо купить билет на самолет.

– Билет на самолет?!

– Да, – подтвердила Джессика. – Я должна исчезнуть из города.

– Что ты сказала? – в изумлении переспросила Элизабет.

– Сейчас же! – завизжала ее сестренка. – Я должна покинуть Ласковую Долину и изменить имя. Через пару лет я дам тебе знать о себе, но больше никому не говори.

– Джес, – спокойно сказала Элизабет, – что все это значит?

Джессика перевела дыхание и затараторила:

– Ну, ты не забыла о пикнике в честь столетия города, он должен был состояться сегодня?

– Да ты же твердишь о нем не переставая много дней подряд!

– Верно, – вымученно улыбнулась Джессика. – Ну так вот, возникли некоторые проблемы.

– Некоторые проблемы? – Элизабет поняла – надо готовиться к худшему. Когда Джессика чувствовала себя виноватой, она и атомную катастрофу могла назвать «некоторыми проблемами».

– Да, – подтвердила Джессика. – У нас совсем нет еды.

– Как так?! – вскричала Элизабет.

– Все шло нормально, оркестр, украшения, билеты раскупались, похоже было, народу соберется куда больше, чем

предполагалось. – Джессика вздохнула.

По щеке ее скатилась слезинка.

– А теперь мы можем не беспокоиться, хватит ли на всех еды, потому что еды вообще не будет! – выпалила она и зарыдала.

Элизабет обняла сестру:

– Успокойся, Джес, и объясни, что случилось.

Джессика заплакала еще горше.

– Помнишь, – выговорила она между всхлипываниями, – я звонила поставщикам и все обговаривала – меню, цены, все?

– Помню, – ответила Элизабет, – звучало здорово.

– Ну вот, – продолжала Джессика, – я собиралась перезвонить через два дня и подтвердить заказ – и забыла.

– О, Джес, – выдохнула Элизабет. – И ничего уже нельзя заказать? Бутерброды или что-нибудь в этом роде?

Джессика опять разрыдалась.

– Нет. Я просила, но сегодня в городе устраивается много приемов и все разобрали.

– Это и вправду большая неприятность, – сказала Элизабет.

– Вот видишь, – простонала Джессика. – Поэтому я хочу уехать из города. К нам явятся сотни голодных людей – прямо с матча. Да они же мне голову оторвут, когда узнают, что за их семь долларов им даже пожрать не дадут. Деньги придется вернуть, и школьный пикник в честь столетия Ласко-

вой Долины войдет в историю, как самая большая катастрофа со времен крушения «Титаника»!

Элизабет крепче обняла сестру:

– Джес, мне очень хочется помочь. Может, что-нибудь придумаем, когда я вернусь с матча.

Джессика отодвинулась от нее и засопела.

– Нет, я виновата, и я сама во всем разберусь.

– И что ты намерена делать? Джессика в раздумье сдвинула брови.

– У меня еще есть пять часов, – наконец сказала она. – Ты по-прежнему готова сидеть в кабинке для поцелуев?

– Конечно. А что?

– Ничего. – Джессика встала с кровати и пошла к двери. – Кажется, я кое-что придумала.

– Что-нибудь с поставщиками?

– Я буду поставщиком! – бросила через плечо Джессика.

По спине Элизабет пробежал холодок: она подумала о кулинарных талантах сестры.

В свое время Джессика занималась на кулинарных курсах и как-то раз решила угостить свою семью особенным обедом. Результат оказался плачевным – они все чуть было не отравились. Одна Джессика, разумеется, вышла сухой из воды. «Надеюсь, у всех, купивших билет на пикник, есть страховой полис, – подумала Элизабет. – Если Джессика и вправду возьмется за готовку, он им может пригодиться».

Футболисты Ласковой Долины не могли пожаловаться на

отсутствие зрителей, даже когда играли между собой, но показательная праздничная игра против «Пум» побила все рекорды. Трибуны ломились от сотен радостно орущих болельщиков Ласковой Долины, которые никогда не отличались спокойствием, но сегодня они просто обезумели. Многие были одеты в красное и белое – цвета школы.

Элизабет разглядывала пеструю толпу, флаги, забавные головные уборы. Все члены команды болельщиц, кроме Джессики, вопили и прыгали в первых рядах зрителей, те вторили им оглушительным ревом.

Элизабет напряженно наблюдала за происходящим со своего места в первом ряду. Ее лучшая подруга, Инид Роллинз, сидела рядом и нервно жевала попкорн.

– Надеюсь, мы победим! – прокричала она в ухо Элизабет, кивая на игроков Ласковой Долины, как раз выходящих из раздевалки. – Для Кена будет ужасно проиграть этот матч после того, что он перенес ради участия в нем.

– Надеюсь. – Элизабет старалась перекрыть беснующуюся толпу. – «Гладиаторы» – классная команда, но и «Пумы» – не промах.

Из раздевалки для гостей появились «Пумы» во главе с Питером Страусом. Болельщики Пэлсэйдз на открытых трибунах разразились дикими воплями. Игроки выглядели сильными и уверенными в себе. Команда стала чемпионом прошлого сезона. Даже по лицам футболистов Элизабет видела, что это серьезные соперники.

Стоя в молчании вместе со всеми, Элизабет слушала хор Ласковой Долины, исполнявший национальный гимн. Она попыталась встретиться глазами с Кеном. Он стоял на поле, нервно переминаясь с ноги на ногу, прижав правую руку к сердцу. В левой руке он держал шлем. Пение кончилось, и толпа вновь заревела. Кен повернулся к трибунам и встретился глазами с Элизабет. Он широко улыбнулся и подмигнул ей. Элизабет улыбнулась в ответ.

Через минуту Кен и Питер Страус встретились посреди поля. Между ними стал рефери. Он подбросил монетку: начинать выпало Ласковой Долине. Они получили мяч. Две команды выстроились друг против друга. Раздался свисток, игра началась.

Команда из Пэлисэйдз хорошо подготовилась к игре. С ними был Питер Страус – не игрок, а чародей. У них были замечательные защитники и хорошие нападающие, опытные форвард и принимающие – все игроки были хоть куда. Но у них не было Кена Мэтьюза.

Казалось, Кен ухитрился быть сразу всюду. Он и Скотт Трост играли удивительно слаженно. Пасы Кена летели точно в выжидательно протянутые руки Скотта. И так раунд за раундом, метр за метром. Ласковая Долина набирала очки.

Первая половина матча пронеслась необычайно быстро, перед финальным свистком «Гладиаторы» лидировали со счетом 21:6. Почти всю игру Инид и Элизабет с трудом удавалось усидеть на месте.

– Не припомню столь захватывающего матча, – прерывающимся голосом выговорила Инид.

– Я тебя понимаю, – согласилась Элизабет. – Я так волнуюсь, что в ключья разорвала программку.

– Подумаешь программка! – рассмеялась Инид. – Я все ногти обгрызла. Если так пойдет дальше, мои бедные пальчики в опасности!

Элизабет посмеялась вместе с подругой, а потом встала размять ноги и посмотреть, не продают ли где хот-доги.

– Пойду куплю поесть. Тебе что-нибудь взять?

– Нет, спасибо, – отозвалась Инид. – Надо оставить место для пиршества на пикнике. Я слышала, ожидается нечто потрясающее.

Элизабет поперхнулась:

– Съешь лучше хот-дог, Инид.

Инид не заметила озабоченного выражения на лице Элизабет.

– Нет, спасибо. Возьми мне, пожалуй, коку.

Элизабет кивнула и стала проталкиваться сквозь толпу к ближайшему продавцу хот-догов. Казалось, здесь собрался весь город. Родители Элизабет и ее брат Стивен сидели выше на трибуне. Она помахала им рукой и стала в длинную очередь.

Когда Элизабет вернулась на свое место, второй тайм уже начался. Инид взяла у Элизабет банку с кокой и сказала:

– Глянь-ка, кто здесь.

Элизабет обернулась и увидела Сюзанну Хэнлон, та сидела через несколько рядов от них и сосредоточенно наблюдала за игрой.

– Не припомню, чтоб Сюзанна раньше особо интересовалась футболом, – лукаво отметила Инид.

Улыбаясь, Элизабет посмотрела на вернувшегося на поле Кена.

– Может, ей вдруг открылась новая, более привлекательная сторона футбола.

Обе девушки рассмеялись и опять стали внимательно следить за ходом игры. Третья четверть матча была еще увлекательнее первого тайма. Несмотря на мощную защиту «Гладиаторов», «Пумам» благодаря Питеру Страусу удалось выиграть два очка.

К концу последней четверти матча команда Ласковой Долины отставала на три очка. Третье они потеряли, завладев мячом за семиметровой линией «Пум». Игроки собрались вокруг Кена, чтобы выработать план действий на конец матча.

Кен, сторбившись, стоял в толпе. Он тяжело дышал: только что ему пришлось пробежать с мячом десять метров. Он много раз попадал в жестокую свалку, и усталость начинала сказываться. Тренер Шульц отозвал Кена в сторону.

– Мы потеряли три очка, – сказал тренер. – Я думаю, надо посылать Тима Брэдли и пытаться забить гол на поле. Тогда мы сравняем счет. Ты что думаешь, Кен?

– Ничья – не победа, тренер, – ответил Кен. – А мы со Скоттом сегодня уже добивались победы. Доверьтесь нам.

Секунду тренер изучал лицо Кена. Потом он выпрямился и похлопал своего ведущего игрока по спине:

– Давай, Кен! Это – твой день.

Кен вернулся к игрокам и объявил, что команда играет быструю, наступательную игру: он передает мяч Скотту, а тот бежит по левой стороне поля и забивает гол.

Игроки разошлись по своим местам. Кен вытер пот со лба. Ему предстояла самая важная игра в жизни. Он подал сигнал к атаке.

Кен отбежал на несколько метров и ждал, пока Скотт освободится от блокировщиков «Пум». Но Скотт поскользнулся и упал. Кен посмотрел, нет ли другого свободного принимающего. Нет. Линия защиты «Гладиаторов» начала распадаться. Кен понял, что надо перейти в зону защиты. Он взял мяч под мышку и стал медленно продвигаться вперед. Болельщики на трибунах встали. Кен неуклонно продвигался, пока не наткнулся на блокировщиков противника. Осталось одно – отчаянная попытка прорваться через блокировку – иным способом достичь зоны защиты невозможно. Кен бежал так быстро, как только мог, стараясь не споткнуться. И в какой-то момент он точно оторвался от земли. Секунда – и он уже мчался по полю, ничто больше не отделяло его от зоны защиты. В три прыжка он преодолел черту. Прозвучал выстрел, известивший о конце матча. Ласковая

Долина победила со счетом 34:31.

И почти тут же Кен оказался в волнующейся, возбужденно приветствующей его, галдящей толпе. Его душили в объятиях. Из толпы вынырнула Элизабет Уэйкфилд, крикнула ему в самое ухо:

– Классная игра, Кен!

Кен обнял ее, приподнял над землей.

– Спасибо, Лиз. Спасибо за все.

Он отпустил Элизабет, и толпа вновь поглотила ее. В порыве восторга игроки схватили Кена, подняли на руки и потащили в раздевалку. У выхода с поля Кена поджидал новый сюрприз: Сюзанна Хэнлон.

– Привет, Сюзанна! – тихо поздоровался он.

Сюзанна заглянула ему в глаза.

– О, Кен, простишь ли ты меня? – Она взяла его руку и крепко сжала. – Я была такой глупой. Я, наверное, не понимала, как смело это было с твоей стороны – написать другой рассказ. Прости меня. Пожалуйста, Кен, скажи, что прощаешь меня.

Кен напряженно вглядывался в лицо Сюзанны. То самое лицо, которое он, казалось, любил. Он заглянул в глаза девушке и почувствовал, что вновь попадает под ее обаяние.

– Конечно, – улыбнулся он, – конечно, я прощаю тебя.

Сюзанна прижалась к нему, они поцеловались. Она взяла его под руку, и они пошли дальше, к раздевалке.

– А теперь, – с улыбкой сказала она, – давай переодевайся

быстрее. Если поспешим, успеем еще встретиться с моими друзьями в библиотеке. Днем будет лекция по истории, мы можем еще попасть на нее. А после я пригласила Марка и еще кое-кого на ужин. Я показала Марку твой рассказ, он сказал – ты настоящий писатель. Ему не терпится потолковать с тобой об этом.

Кен остановился.

– Но, Сюзанна, – запротестовал он, – будет пикник. Все ждут меня. Я обещал Джессике Уэйкфилд посидеть в кабинке для поцелуев и...

Звонкий смех Сюзанны прервал его:

– Ох, Кен, повзрослей же наконец! Все это теперь ниже тебя. Не может же тебе в самом деле хотеться на дурацкий детский пикник.

Какое-то время Кен внимательно изучал девушку, а потом расплылся в улыбке.

– Ты права, – мягко сказал он. – Мне пора повзрослеть. Пора, как взрослому, самому принимать решения.

– Молодец, – просияла Сюзанна.

– Итак, – продолжал Кен, – мое первое зрелое решение: я иду на пикник.

Сюзанна запнулась, на лице ее мелькнуло недоверие:

– Что такое?

Кен отступил на шаг и посмотрел на нее. Впервые он осознал, что никогда по-настоящему не любил Сюзанну. Наверное, ему лишь нравилась ее внешность, оболочка. И Сюзанна

тоже никогда не любила его по-настоящему. Он вспомнил, как она всегда пыталась изменить его, уговаривала бросить футбол, таскала на поэтические вечера и нудные серьезные фильмы. И отвернулась от него в трудную минуту, когда все истинные друзья продолжали верить в него.

– Видишь ли, Сюзанна, мне скучно на лекциях по истории и на старых занудных фильмах, скучно с твоими друзьями и, по правде сказать, с тобой тоже скучно. Так что, желаю хорошо провести время с друзьями, Сюзанна, от всего сердца желаю. А что до меня – я не откажусь от пикника, даже если Шекспир, Марк Эндрыюз, Ингрид и Ингмар собственной персоной явятся к тебе с визитом. – Кен нагнулся, чмокнул ошарашенную девушку в щеку. – Как-нибудь увидимся, – бросил он и ушел.

Элизабет осматривала поляну, на которой проходил пикник, и думала, что никогда в жизни ей не захочется никого поцеловать. С двух часов она торчала в кабинке и продавала поцелуи за поцелуем.

Поляна была красиво укрощена. «Уинстон потрудился на славу», – решила Элизабет.

Деревья по краям были увиты красными, белыми и синими лентами, как манекены в парикмахерской, на нижних ветках красовались флажки из крепа. Между двумя шестами для волейбольной сетки Уинстон натянул яркий флаг с надписью: «Ласковой Долине – сто лет!»

На краю поляны соорудили эстраду для оркестра, на ней «Друиды», рок-группа школы Ласковой Долины, исполняли самые крутые свои песни. Элизабет наконец смогла выбраться из кабинки для поцелуев: Кара Уокер, одна из лучших подруг Джессики и девушка Стива, пришла сменить ее. И теперь Элизабет пробиралась через хохочущую, веселящуюся, болтающую и танцующую толпу. Гордость переполняла ее – еще бы, она живет в таком замечательном городе! А по мнению Элизабет, Ласковая Долина была чуть ли не самым замечательным местом в мире.

Элизабет подошла к оркестру, вслушалась в ритмичную музыку «Друидов». Сегодня они в отличной форме. Дана

Ларсон, солистка группы, одетая в костюм из красного парашютного шелка, в исступлении металась по сцене. Ударница Эмили Майер и бас-гитарист Дан Скотт исполняли зажигающую мелодию в стиле «бит». Хотя роман между Даном и Эмили увял в самом начале, Элизабет, заметив, какими взглядами они обмениваются, решила, что еще не вечер.

Исполнение клавишника Гая Чесни никогда еще не казалось Элизабет столь профессиональным, когда Макс Делон начал соло на гитаре. Окружавшая эстраду публика разразилась рукоплесканиями.

«Если «Друиды» сохраняют такую форму и дальше, – думала Элизабет, – им не придется долго ждать – кто-нибудь из мира большого шоу-бизнеса обязательно заметит группу».

Элизабет с удивлением заметила Линн Генри, стоявшую в стороне, недалеко от эстрады. Линн была новенькой в Ласковой Долине, и Элизабет никогда еще не встречалась с ней вне стен школы. Она отличалась крайней застенчивостью и, насколько Элизабет знала, ни с кем не дружила. Элизабет изумилась – неужели Линн пришла на пикник одна? Девушка стояла как околдованная и слушала игру «Друидов». Элизабет показалось, что она так зачарована музыкой, будто у нее связано с ней нечто личное.

«Бог мой, – Элизабет покачала головой. – Опять меня заносит».

Подчас писательское воображение подсказывало Элизабет ситуации, которых в действительности и в помине не бы-

ло.

Любому, кто не первый раз присутствовал на собрании школьников Ласковой Долины, бросилось бы в глаза отсутствие одного человека. Джессики нигде не было видно. Элизабет не встречала свою близняшку целый день. Придя на поляну, Элизабет сразу же заметила в противоположном от оркестра конце отведенное для еды место. Но вместо хот-догов, гамбургеров, жареных цыплят она обнаружила там множество подносов, на которых лежали бутерброды с арахисовой пастой и бесчисленное количество пакетиков с картофельными чипсами. Элизабет расхохоталась, представив себе бедняжку Джессику, все утро мазавшую пасту на хлеб. Но никто из присутствующих, казалось, не обращал внимания на скудость меню. Все наедались до отвала, и, хотя вокруг раздавалось много шуток, по поводу еды никто ни разу не прошелся.

К Элизабет подошли Брюс Пэтмен и Регина Морроу.

– Привет, Элизабет, – промурлыкала Регина. – Веселишься?

– Веселюсь, правда, губы у меня вот-вот отвалятся.

– Могу себе представить. – Регина кивнула на эстраду, где Дана Ларсон начинала новую песню. – Всегда подозревала, что музыка – это замечательно, но никогда не думала, что она так прекрасна.

Элизабет попыталась вообразить себе, каково Регине, которая вдруг смогла услышать привычные для других звуки,

например музыку. С тех пор как Регина, пройдя курс лечения, стала слышать почти нормально, перед ней открылся новый мир. И она заслуживала это, как никто другой. Регина Морроу была одной из лучших девушек, которых Элизабет довелось встретить в жизни. Элизабет с содроганием подумала, что могло бы произойти, если бы Регина осталась у похитителей.

– Жаль твои губы, Лиз, – усмехнулся Брюс, – но это все же не самый худший способ зарабатывать деньги.

– Главное – для хорошего дела, – в задумчивости пробормотала Элизабет. – Но пришлось перецеловать не меньше ста пятидесяти парней.

Брюс извлек из кармана пачку долларовых купюр, которые только что забрал из кабинки.

– Смотри сколько. – Он оглядел поляну. – Недурное собрание, а?

– Еще чуть-чуть побольше, и пришлось бы арендовать не поляну, а целый город, – согласилась Регина.

Брюс приподнял бровь и оглядел толпу.

– Ума не приложу, куда подевалась Джессика. Я не видел ее весь день.

– Я тоже, – подтвердила Элизабет.

Брюс спрятал деньги обратно в карман и улыбнулся:

– Что ж, увидишь, передай, что я хочу с ней поговорить.

– Передам.

Брюс и Регина отошли, а Элизабет вернулась в кабинку

для поцелуев. Она продолжала разглядывать толпу, но Джессики по-прежнему не было. Элизабет знала, что сестра смущена из-за недоразумения с поставщиками. И все же – куда хуже, если она не явится посмотреть, удался ли пикник.

И тут кто-то окликнул ее по имени театральным шепотом. Она оглянулась, но около кабинки никого не было; ее снова окликнули. Шепот раздавался из-за ближайшего куста.

Элизабет подошла к кусту посмотреть, в чем дело. Она раздвинула ветки и обнаружила притаившуюся за кустом Джессику.

Элизабет рассмеялась.

– Ты что тут делаешь?! – не веря своим глазам, спросила она.

Джессика опасливо огляделась кругом.

– Прячусь. Я только хотела узнать, как идут дела.

– Все отлично, – ответила Элизабет. – Почему бы тебе не выбраться отсюда и не повеселиться вместе со всеми?

Джессика уставилась на Элизабет расширенными от страха глазами.

– Ты спятила? Люди заплатили по семь долларов за бутерброды с арахисовой пастой и за картофельные чипсы! Я кончила с бутербродами, послала все счета Брюсу и сразу же убежала. И вернулась только, чтобы удостовериться, – тебя не приняли за меня и не линчевали.

– Не глупи, Джес. – Элизабет начала вытаскивать Джессику из-за куста. – Выходи.

Джессика отчаянно брыкалась:

– Ни за что! Уйди, Лиз! Отстань!

– Эй, Джес! – Обе близняшки застыли, услышав голос

Брюса Пэтмена.

Он стоял рядом с Элизабет.

– Я тебя ищу весь день. Что ты делаешь в кустах?

– Бусы ищу, – неудачно симпровизировала, Джессика.

– Они же у тебя на шее, – немного удивленно сказал

Брюс. – Ты мне нужна на секундочку.

Джессика выползла из-за куста и захныкала:

– Я все объясню, Брюс. Ты подумай, Лиля обещала взять кое-что на себя, а потом умотала в Нью-Йорк...

– Ну-ну. – Брюс схватил ее за руку и подтолкнул к эстраде. – Я должен сделать это, пока люди не начали расходиться.

Джессика пыталась вырваться, визжала и взывала к сестре.

– Помоги мне! Я же твоя единственная сестра, Лиз!

Брюс дотацил Джессику до эстрады, остановил «Друидов» на середине песни. Он взял у Даны микрофон и обратился к толпе:

– Пожалуйста, внимание!

Голос Брюса перекрыл шум. Все примолкли, общее внимание устремилось к говорившему. Джессика стояла рядом, трепеща от ужаса.

– Для начала я хочу сказать спасибо всем, кто пришел к нам сегодня. Только благодаря вам пикник в честь столе-

тия города прошел столь успешно. – Толпа заплодировала, Брюс улыбнулся. – Я думаю, все мы безумно горды выступлением «Гладиаторов» в сегодняшнем матче. – В ответ раздался ликующий рев. Брюсу пришлось дожидаться тишины, лишь потом он смог продолжать: – Мне кажется, мы должны попросить Кена Мэтьюза подняться на эстраду и принять нашу благодарность. Кен?

Под приветственные крики и по праву заслуженные рукоплескания Кен поднялся на эстраду. Элизабет тепло улыбнулась ему из толпы.

– Кен, мы все действительно гордимся твоей командой. Ты разбил команду Пэлисэйдз в пух и прах.

– Пэлисэйдз – это детские игрушки, – ухмыльнулся Кен. – Вот с мистером Коллинзом справиться было потруднее.

Толпа разразилась смехом и приветственными возгласами. Элизабет украдкой бросила взгляд на мистера Коллинза, который стоял в первых рядах с сынишкой Тедди на плечах и хохотал громче всех.

Брюс утихомирил собравшихся и продолжал:

– Ну а теперь о другом. Я знаю, все вы немало удивились, что бутерброды с арахисовой пастой стоят нынче так дорого.

Элизабет заметила, что Джессика стала рваться изо всех сил, но Брюс крепко держал ее за руку.

– Признаться, я тоже сначала удивился. Но потом я просмотрел счета. Попотчевав нас этими деликатесами, Джессика Уэйкфилд сэкономила семьдесят пять долларов. А зна-

чит, в понедельник мы сдадим в Общественный фонд тысячу девятьсот долларов и восемьдесят семь центов. И все благодаря Джессике Уэйкфилд.

Он отступил на шаг и указал всем на Джессику. Сперва вид у нее был до крайности потрясенный. Но постепенно на лице заиграла улыбка, и вскоре Джессика приосанилась, словно ее объявили «Мисс Мира». Она взяла микрофон. На поляне стало тихо.

– Мне помогало столько людей, – скромно призналась Джессика, – что нет смысла называть их. Но я так рада, что вы не взбунтовались против моей затеи с бутербродами. Сначала я думала заказать куда больше еды, но посчитала, во что это обойдется, и передумала: не стоит зря тратить деньги. В конце концов, главное – собрать побольше денег в фонд, верно?

Толпа заревела, но Джессика вновь призвала к тишине:

– Я и решила урезать расходы и обойтись бутербродами и чипсами. Вот так. Еще раз спасибо, пляшите, веселитесь и ешьте больше бутербродов!

Толпа снова принялась аплодировать. Элизабет с пронзительной улыбкой наблюдала за принимающей овации сестренкой. Как всегда, несмотря ни на что, Джессика снова на коне.

Какое-то движение привлекло внимание Элизабет. Она обернулась и снова увидела Линн Генри. Та отходила от оркестра. Однако вид у нее был вовсе не веселый, а ужасно рас-

строенный. Девушка опустила голову, но Элизабет разглядела, что она утирает слезы. Линн торопливо пробиралась через толпу.

Элизабет плохо знала Линн, но все же ей захотелось узнать, не может ли она помочь.

– Линн? – тихонько окликнула Элизабет, когда девушка проходила мимо.

Линн повернула к Элизабет залитое слезами лицо. И вместо ответа поторопилась скрыться в толпе. Элизабет последовала было за ней, но удержалась. Ее дело предложить дружбу, но надо уважать и желание Линн остаться одной.

«Друиды» стали настраивать инструменты для новой песни. Элизабет не переставала размышлять, что могло так огорчить Линн. Странно и то, что она ни с кем не дружит. Почему она так застенчива? В толпе снова заорали «ура!», но Элизабет почти не замечала шума.

«Это, должно быть, ужасно, быть одной, без единого друга среди такой массы народа».

Всем сердцем Элизабет устремилась за девушкой. В понедельник она снова пойдет в школу и обязательно постарается поближе познакомиться с Линн Генри.